

АЛЕКСАНДР МАЛИНОВСКИЙ

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ ДИРЕКТОРА

Один год из жизни директора, или Как мы выходили из коммунизма...

Читатель, ознакомившись с этими записками, может быть, найдёт их слишком бессистемными и хаотичными. Но, тем не менее, один год из жизни директора крупного приволжского химического предприятия, год тяжёлый, во многом переломный для судьбы России – 1994-й, который начался глубоким системным кризисом, вызванным непродуманными экономическими реформами Гайдара, а закончился войной в Чечне, что явилось следствием авантюристической политики администрации Ельцина, – этот год отражён здесь достаточно ярко. Автор записок искренне переживает все последствия развала экономики страны и в силу своих профессиональных обязанностей, как может, пытается спасти своё производство, не дать умереть заводу, помочь людям. Эта борьба отнимает у него все силы...

Январь

Вчера ехал в одной машине с генеральным директором соседнего нефтехимического завода.

– С утра пошёл в цеха, – рассказывал он. – Практически все остановлены. Компрессоры, огромные колонные агрегаты отключены. И это зимой, когда нам и летом-то внепланово останавливаться опасно. Зашёл в два цеха и больше не смог. Заплакал и вернулся в кабинет, – он махнул рукой.

Этот короткий разговор разбудил во мне желание разобраться: чем же был для меня и для завода прошедший год и каким будет будущий?..

Сегодня мой приятель Сергей рассказал забавную и грустную историю о своём отце. Ему сейчас около восьмидесяти. Врачи категорически запретили ему курить, поэтому все близкие пытаются оградить его от курева, следят за ним. А старик из заядлых курильщиков, бывший слесарь, орденноносец. Упрямый. Жена Сергея, уходя на работу, припрятала деньги, чтобы он не купил сигарет. Когда возвратилась домой, на столе – пачка курева. Оказалось, что дед вышел на улицу и поменял орден Ленина, который получил за прежние труды, на сигареты. Жена Сергея стала его стыдить. Он совершенно безразлично сказал:

– А на кой он мне? Мне нужны сигареты, а он только место пролёживает. С этого начиналась перестройка... А недавно ко мне приехал бывший ди-

ректор нашего завода, работавший здесь пятнадцать лет назад. Энергичный такой. Глядя в глаза мне, спросил:

– Послушай, а что ты заработал на заводе лично для себя?

Я задумался.

– Сразу и не скажешь. А ты сам готов ответить на такой вопрос?

– Я получил орден Ленина. Его просто так не давали, каким бы ты ни был хорошим. Если завод плохой, никаких наград директор не получал. Мне дали его за заслуги. А ты что получил?

– Я за время работы на заводе защитил кандидатскую диссертацию, затем – докторскую.

– Это ты сам себе сделал. А где государственная оценка?

– Какая может быть государственная оценка, когда мы уже полгода как акционерное общество? Коллективная собственность, не государственная.

– Вот-вот, я и мечтаю в этот корень, – мой собеседник победно возрился на меня. – Завод, являвшийся государственным предприятием, был нужен государству, правительству, а сейчас вы – не государственное предприятие. Не государственные люди. Никому не нужны. Как у вас сложится, так и будет. Трудно было возражать...

Итак, с чем мы пришли к концу минувшего года? Нефтехимкомбинат, который моложе нас на десять лет, почти полностью остановлен. Готовят к увольнению полтысячи работников. Много задолжали энергетикам. Продукция не имеет сбыта, и нет возможности такое громадное предприятие быстро переориентировать на выпуск другой. Фабрика трикотажного полотна перешла на одну смену. Тольяттинский “Синтезкаучук” – громадное объединение – практически бездействует. Задолжал около десяти миллиардов рублей* энергетикам. Гигант, гордость отечественной промышленности – АвтоВАЗ – остановил главный конвейер на целый месяц из-за отсутствия комплектующих, в сущности, из-за неплатежей.

Нам удалось удержаться. Больших срывов не было. Правда, пришлось прекратить выпуск полиэтилена, бывшего некогда гордостью нашего предприятия. Полиэтилен – дефицитнейший продукт, без которого отечественная промышленность просто не могла жить. Теперь – нет сбыта. Потребители наполовину стоят.

Несколько недель работали на треть от обычной нагрузки, принося каждый день около двух-трёх миллионов рублей убытка. В конце концов, пришлось остановиться.

Никто из потребителей не забеспокоился, не зашумел. Не до того.

Беда, очевидно, в том, что, поднимая цены на сырьё и энергетику до мирового уровня, забыли, что в производстве продукции, которую можем реализовывать в России либо за границей, есть технологии старые или новые, но не соответствующие мировому уровню. Эти технологии необходимо совершенствовать. Но в один день этого не сделать. Нужно время. А времени как раз нам и не дали. Чтобы модернизировать установки и начать выпускать продукцию с низкой себестоимостью, надо полтора-два года. А на что жить сейчас? Той курочке, которая может снести через год или два золотые яички, реформаторы от экономики просто-напросто рубят голову...

В конце концов, нам нужны не денежные кредиты от государства, а кредит времени.

Накануне, тридцатого числа, руководство соседнего нефтеперерабатывающего завода телеграммой предупредило, что если не заплатим семьсот миллионов рублей тридцать первого, то после семнадцати часов будет перекрыто сырьё (примерно тридцать процентов от общего объёма). Сошлись на том, что если налоговая инспекция, которая взяла с нас лишних восемьсот миллионов рублей, перечислит деньги на счёт НПЗ, нам сырьё не закроют. Перечислять надо именно сегодня. Много сил ушло на переговоры с банком и налоговой инспекцией.

В этот же день нужно было решить: дадут ли пар и электроэнергию с 1 января, поскольку мы пока пытаемся не подписывать договор на будущий год.

* Здесь и далее указаны цены того времени (до деноминации 1998 г.).

Условия кабальные: в случае неуплаты в срок за потребляемую энергетику (а платить вовремя почти невозможно) пеня будет начисляться в размере двух процентов от задолженности. Посчитали. Это тридцать два миллиарда рублей за год! А мы всего получили в прошлом году прибыли двенадцать миллиардов рублей. Каково?

Часть проблем всё же удалось решить. Но ведь так работать нельзя! В таких условиях как-то ещё может существовать швейная контора, торговая точка. Но не громадный завод с опасной технологией, где ведутся процессы с давлением в сто атмосфер при температуре до пятисот градусов!

Что-то нас ожидает в новом году?!

С первых дней перестроечного галопа собираю вырезки из газет. Вот “Российские вести” за 4 декабря 1993 года. Статья Егора Гайдара. “Банкротство предприятий – это банкротство их администрации, но отнюдь не коллективов”, – громогласно заявляет сей “опытный” экономист. А подумал бы он, что если предприятие обанкротилось, куда коллектив пойдёт?.. Рассуждения его нелогичны. Мы, администрация, заинтересовали инвесторов. Два производства решили реконструировать. Открыта кредитная линия в сто двадцать миллионов долларов – Баварский банк стал нашим партнёром. Нашли передовую американскую технологию. Мировой уровень. Мы создали совместное предприятие с немецкой фирмой “Линде” и американской компанией “Юнион карбайд”. Идёт полным ходом проектирование и подбор оборудования. Цель – начать выпуск качественного полиэтилена, конкурентоспособного на мировом рынке, с малыми затратами электроэнергии.

Но – галопируют цены на сырьё и энергетику! Будущее производство по нынешним ценам, “отпущенным” Гайдаром, уже нерентабельно. Вот и выходит, Егор Тимурович, что нужны не советы, а протекционистская политика государства в отношении российского производителя, без которой у нас движения вперёд не будет.

Ко мне приезжал из деревни отец. (Было это ещё в конце 70-х годов.) Погостил два дня. На третий пошёл его проводить до автобуса. Спустились на лифте, вышли из подъезда девятиэтажного дома... Он остановился. У подъезда лежат целые груды битой мебели. Подошёл, потрогал один из стульев: – Варвары, – и стал осматривать остальные. – Вот ты посмотри! У одного ножка рассохлась, у другого спинка отлетела. Чуть подклеить – и всё, стул нормальный.

– Тебе жалко чужого стула?

– Мне жалко Россию.

– Ну-у, очень уж глобально мыслишь.

– Что хочешь говори. Но, чтобы сделать стул, надо спилить дерево, высушить его, заготовить брус, потом на станках обработать. Затем всё пойдёт по конвейеру. Столько требуется народа и труда, чтобы этот стул сделать! А тут – выкинули только потому, что хозяин не умеет всего-то навсего укрепить одну ножку? Цену всему забыли! Вот причина.

Он говорил это в конце семидесятых. Меня его слова тогда как-то всерьёз не задели. А теперь думаю: если бы каждый государственный и негосударственный человек вот так, по-мужицки, смотрел на вещи и болел за своё и за государственное! Может, тогда и не нужна бы нам была никакая перестройка?..

Вспомнилась встреча директоров заводов с правительством Гайдара в 1992 году в Тольятти на АвтоВАЗе. Были: Чубайс, Нечаев, Авен, Гайдар – вся камарилья. Вроде грамотные, образованные люди. Но после ответов на практические вопросы директоров ясности не прибавилось.

– Эх, ребята, ребята, поставить бы вас на годик начальниками цехов на заводе! Видно было бы, кто как осуществляет сказанное на деле. И тогда было бы всё с вами ясно, – пробубнил у меня за спиной коллега с соседнего завода.

Я сидел и думал: бубнить себе под нос мы можем, а вот встать и сказать: правительству нужны промышленники, люди с опытом практической работы! – как-то стесняемся...

Но вот пришли Шумейко, Лобов, Сосковец, Черномырдин, которые были связаны с конкретным производством. Мы ожили. Показалось, что теперь будет хоть какое-то движение вперёд. Но помощи снова не увидели. И возник-

ло у меня сомнение: а в том ли причина, что в правительстве находятся люди, не прошедшие практической школы? Или в чём-то другом? Или всё-таки вопрос в самом подходе, в желании проскочить этот период путём “шоковой терапии”? Наскоком!..

И снова — из газет: “А директора предприятий, не научившись хозяйствовать в новых условиях, финансовые наркоманы, смысл жизни которых состоит в жалобах на жизнь и выбивании кредитов...”.

В прессе установилась порочная традиция: обязательно искать врага. Нашим директорам уже приклеили ярлыки, и не самые лестные. Я давно и твёрдо убеждён, что сила, сдерживающая сейчас конфронтацию и обеспечивающая стабильность в обществе — директорский корпус, директора-промышленники, занимающиеся конкретным делом, дающие возможность жить и трудиться подавляющему большинству населения России. Вообще травля директорского корпуса, руководящего звена началась с первых дней перестройки, с кампании выборов первых лиц на госпредприятиях. Это как раз кампания против порядка на производстве. Кому-то нужно было ввергнуть всё в смуту. И это было организовано.

Когда учился в академии в Западной Германии, сделав невинный вид, задал профессору Хёну вопрос:

— Как вы относитесь к выборности руководителей государственных предприятий?

Он, не задумываясь, совершенно академическим тоном заявил:

— Господин директор, если хотите развалить предприятие, промышленность, начинайте выбирать руководителя. Более надёжного пути для этого нет.

И на Руси всегда как было. Человек, умеющий работать и любящий работу, как правило, не оратор. Он умеет одно — делать дело.

Я работаю директором около десяти лет. Меня “назначал” ещё областной комитет партии. По контракту нанимало министерство, потом департамент, комитет. Начинать в нефтехимии рабочим, вернее, учеником оператора. Для меня завод — это всё. Заводчане это видят и ценят. Мы вместе преодолевали трудности.

Но вот корпус директоров оказался между молотом и наковальней. В ту, первую волну вольной или невольной интервенции против промышленников руководитель оказался в коллективе подpiraемым таранной некомпетентностью низов, а сверху приглушённым диктатом министерства. Затем директора крупных предприятий стали уже негосударственными служащими. Они возглавили акционерные общества. Где владелец — коллективный собственник, не государственный. И государство от них отделилось, отошло.

А потом директоров стали просто-напросто уничтожать. Покатилась волна заказных убийств... И заводчане, рабочие, увидели расклад сил. Поняли, кто несёт тяжесть обеспечения нормальных условий работы. Увидели в своих руководителях защитников жизненных интересов.

— Нет, вот ты мне скажи конкретно, как другу... Что мне всё-таки делать с ваучером? Кто он такой? И зачем? А?

Голос звучал за моей спиной в зале ожидания Казанского вокзала в Москве. Я невольно слышал разговор двух собеседников. Очевидно, диалог начат давно ещё, в пути. Теперь уже затихает.

— Ну, что ты прицепился, — отмахивается собеседник. — Вот у тебя сколько детей?

— Трое, а что?

— Горластые? По ночам кричали?

— Ха, не горластые, а жуть. И не по ночам, а круглые сутки. Особенно младший, Колька.

— А пустышку, ну, соску, ты ему давал, чтоб замолчал?

— Да только этой соской и спасался. Суну, он и замолчит. Ненадолго, но затихнет. Только начнёт снова, я ему опять в рот резинку, так и забавлялись.

— Вот ты и ответил, что такое ваучер. Для таких, как мы с тобой. Чтоб не орали.

С утра ездил по заводу. Побывал в нескольких основных цехах. Когда-то очень хотел выкрасить оборудование, находящееся на наружных этажерках,

трубопроводы и эстакады в нарядные светлые тона. И вот в последние два года почистили и покрасили всё “серебрянкой”. Колонны стоят красивые. Как ракетные установки! Завод преобразился, и люди подтянулись, стали бодрее, веселее. Исчезло грязное замазученное железо. Поездив по цехам, посмотрел, и у меня появилось ощущение, что действующий, как часовой механизм, завод нельзя останавливать. Это преступно. Но энергетики за долги грозят прекратить подачу пара.

Возникло такое чувство, что готов с кем-то подраться. Только вот с кем...

Вечером стало известно, что один из основных потребителей нашего фенола – производственное объединение “Оргсинтез” – останавливается на целый месяц! Не может оплачивать сырьё. Должен на сегодня два миллиарда рублей. Он не единственный потребитель фенола. Другой – соседний комбинат, который сейчас не работает. Мы оказались перед угрозой остановки ещё одного производства. Позвонил генеральному директору “Оргсинтеза”. Он – мой хороший приятель. Поздравил с Новым годом, с Рождеством. Директор не сдержался:

– Лучше бы этот год не наступал! И его вовсе бы не было! Живём в инфарктном состоянии, вынуждены вырубить ползавода. Что дальше, неизвестно!

Вот так теперь встречают в России праздники. Хоть никого не поздравляй.

Словно подтверждая неготовность моего приятеля принимать новогодние поздравления, год начался с национальной трагедии. Третьего января под Иркутском в авиакатастрофе погибли сто одиннадцать пассажиров и девять членов экипажа. Оболочка самолёта оказалась разбросана в радиусе четырёхсот метров. Один из горящих обломков упал на расположенную недалеко ферму, в результате чего пострадала работавшая там женщина. Погиб скотник. В числе жертв оказались одиннадцать иностранных туристов.

Взорвался Ту-154, один из самых надёжных авиалайнеров, причём через двенадцать минут после взлёта. Рейс был на Москву.

...Правительство, призванное обслуживать общество, нас с вами, в ответе за то, как мы себя чувствуем в нашем затянувшемся перестроенном полёте. Оно в ответе за взлёт и посадку!

Четвёртого января епископ Истринский Арсений и члены Московского патриархального Совета освятили здание правительства России на Краснопресненской набережной столицы, то самое здание бывшего Российского парламента, только что восстановленное после танкового расстрела 4 октября прошлого года. Был освящён и новый кабинет Черномырдина. Обращаясь к премьеру, епископ сказал:

– Мы молимся, чтобы благодать Божия сопутствовала тому, кто будет здесь трудиться на благо Отечества с целью улучшения жизни россиян.

Да, пожалуй, после всего того, что натворили, только на благодать да милость Божию к нам, грешным, и можно сейчас надеяться!

...Сегодня ходил на городской рынок. Один старый знакомый, попридержав меня, спросил:

– Скажи, может быть страна богатой, если мы по десять дней подряд дышаем? Ну, Рождество, ладно, это христианский праздник. Только что отдыхали на Новый год, сейчас – опять...

Некоторые руководители предприятий к календарным выходным добавляли ещё и три дня, которые между ними, вот и получилось десять дней нерабочих. Это сделано не из желания отдохнуть. Многие предприятия закрываются на месяцы. Людей распускают. Нечем платить зарплату.

...Почему-то очень много на рынке солёных арбузов. И я, вот уже лет десять, солю в своём погребе арбузы. Всю зиму, до марта, у меня – деликатес. Подхожу к одному торговцу: арбузы, как мои. Спрашиваю: сколько стоят? Смотрю не на продавца, а на арбузы. Когда же взглянул на хозяина... Им оказался водитель моего главного инженера. Он не мог вымолвить ни слова, увидев меня. Спрашиваю цену, он мямлит:

– Это не мои. Тёщины. Не знаю, сколько стоят.

– А тёща где?

– Не знаю.

Ему неудобно, что он торгует.

Я так и не узнал цену его солёных арбузов. Поспешил уйти, чтобы человек не мучился.

Вспомнились базары моего детства. Не могу и я себя представить торговцем. Моя бабка была в этой части большой изобретательницей. Частенько ездила в Куйбышев: то яички продавала, то сало. У колхозников мало было денег. В степных сёлах ни грибов, ни ягод. Мы жили в лесу. Бабка сушила смородину, черемуху и возила в соседние сёла на продажу. Иногда брала с собой меня. Мне это казалось забавным.

Но я никогда не мог встать с бабкой рядом, чтобы торговать. Некоторые мои одноклассники на рынке бойко помогали родителям. Я же так и не смог переломить застенчивость. Очевидно, и в Викторе, шофёре главного инженера, тоже было заложено нечто такое. И сохранилось до солидного возраста.

... В конце года два раза обращался к врачу по поводу болей в области сердца. И каким-то образом это дошло до заводчан. Меня стали останавливать. Желая здоровья, напрямую говорили, что надо побережись, но с завода не уходить. Нельзя, чтобы сейчас менялось руководство. Забеспокоились и начальники цехов. Секретарь попросила разъяснить, что делать? Много звонков в приёмную. Все встревожены.

Это, наверное, польстило бы моему самолюбию, будь другое время. Но сейчас не до этого. Слухи вносят дисгармонию в психологический климат. На одном из последних совещаний руководящего состава я вынужден был заявить, что никуда в ближайшее время не уйду. Прошёл одобрителный гул.

Да, сегодня все прижимаются плечом к плечу. Потеря одного из тех, кто встал с тобой в круговую оборону, совершенно нежелательна.

Раньше существовал партком на заводе, его не стало. Все заботы и хлопоты легли на плечи директора. Мне пришла счастливая мысль. Для устремления коллектива в общем направлении провозгласить 1992-й годом подготовки к двадцатипятилетию нашего завода. Составили планы помесечно, подекадно. Культурная программа, программа наведения порядка на территории завода, спортивно-массовые мероприятия, поиск бывших работников, оказание помощи пенсионерам. Серьёзные меры по экологии.

Взглянули на себя как бы со стороны.

Народ откликнулся. Многие поняли, что конкретная цель сближает. Создали самодеятельный музыкально-танцевальный ансамбль. Если раньше нужно было упрашивать, то теперь всколыхнулись сами. Женский вокальный коллектив покорила русскими песнями. Такое оживление, что многие сами искали повод собраться вместе. Апофеоз наступил 30 декабря, когда состоялся торжественный вечер. Зал Дома культуры на восемьсот мест переполнен. Гости с родственных заводов, представители городской общественности и предприятий области... Все были благодарны за возрождение традиций нормального празднования.

В моей записной книжке есть слова Ильи Эренбурга из статьи "Полюсы", опубликованной в Киеве в 1919 году: "Какая странная, роковая страна Россия, будто на палитре господней для неё не осталось ничего, кроме угля и белил".

Вот так оценивалась судьба России. Я не согласен, я думаю, что всё-таки сейчас у России больше красок. Россияне видят и другое. Отразится в их глазах и голубое, и розовое, и всё многоцветье, которое должно быть в жизни!

Посмотрите, какие лица были у наших соотечественников в прошлом веке. Вглядитесь в фотографии, которые показывают по телевидению, печатают в журналах и газетах. Это другие люди, другие лица. Одухотворённые! Таких не может быть, когда смотрят только на чёрное и белое. Они будут и в наше время, такие люди, такие лица. Надо верить!

Сегодня тяжёлый день. Подписал приказ о закрытии производства полиэтилена. Дело усугубляется тем, что при нормальных нагрузках его рентабельность практически нулевая. Сейчас же, из-за отсутствия сбыта, оно загружено менее чем наполовину. Держать в работе три цеха ради сохранения персонала невозможно. Это, по сути, скрытая безработица. Скопилось много продукции на складах. При нынешнем росте инфляции — это беда.

Начали останавливать и производство фенола. Нет сырья. Вернее, оно очень дорого. Причём поставщики требуют предоплаты. К тому же останови-

лись самые главные наши потребители. Осталась заграница. Но там такие низкие цены...

Одиннадцатого января в десять часов – первое заседание российского Федерального Собрания, избранного сроком на два года. Оно, очевидно, даст старт новому периоду отечественного парламентаризма.

Странно быстро, как в калейдоскопе, мелькают события. Только избрали председателя Совета Федерации и Государственную Думу, а уже идёт перестановка в правительстве. Сегодня Егор Гайдар объявил о своей отставке. Причину объяснил тем, что Черномырдиным принимаются решения без согласования и уведомления вице-премьера.

Выступая по телевидению, Геннадий Зюганов бросил реплику, что Гайдар всё своё уже сделал: развалил промышленность, Так оно и есть. От большой науки, от промышленности могут остаться одни руины.

Если наше общество катится к катастрофе, то она разразится по трём причинам. Первая: отсутствие концепции построения демократии. Нет чёткой идеи демократии. Всё абстрактно. Прояснением того, что такое демократия, никто у нас не занимается. Ответственными за всё это считаются верхи: парламент, правительство. Их критикуют. Но демократия тем и отличается от недемократии, что она устанавливается снизу. И надо это понять, а потом действовать.

Вторая причина: полное непонимание обществом целей и задач средств массовой информации. Почитайте газеты. Одни вопросы. Кто допустил то-то, почему получилось то-то и то-то? Вопросы, вопросы. Спрашивают тех, кто по другую сторону. А спрашивать надо тех, кто мог, должен был смочь, но не сделал необходимого.

И третья причина, которая тяготит меня каждый день как директора: отсутствие чётко разработанной политики государственной поддержки на местах, в отраслях, на предприятиях, в производственных структурах.

Мы задолжали три миллиарда рублей, нас заставляют брать кредит под... 213 процентов! Откровенный грабёж. У нас два дня гостил представитель одной из германских фирм. Когда я назвал эти бандитские проценты, он несколько раз переспросил, боясь, что ослышался. Мы ему с трудом объяснили столь глупую ситуацию. Он схватился за голову...

Всё отдано коммерческим банкам. Сначала они задерживают оплату за нашу продукцию. Средства крутят по три-пять месяцев, зарабатывая на этом большие барыши. Затем из этих же средств кредитуют, требуя в качестве обеспечения наши же объекты. Мне кажется, беда ещё в том, что в первую очередь правительство допустило коммерциализацию банков, а надо было начинать с предприятий.

Невольно вспомнил пуск завода после капитального ремонта в сентябре прошлого года. Мне в это время потребовалось срочно уехать в Москву. Звоню утром из гостиницы главному инженеру, желая узнать, как идут дела. Тот в смятении докладывает, что на середине пуска остановились. Прекратилась подача на завод электричества. Энергетики требуют оплатить 1,5 миллиарда долга. Если я лет семь назад, когда возникали проблемы с пуском завода, мог приехать в министерство и с замминистра как-то обсудить ситуацию и надеяться на объективное решение, то сейчас этого нет.

Если завод не запустим, вообще ничего не выплатим, ибо не будет продукции. Где брать деньги? Десять миллиардов рублей, которые нам должны потребители, где-то крутятся. Просить помощи в наведении порядка с оплатой продукции не у кого.

В конце концов, завод начал работать, но только тогда, когда я согласился, чтобы главный инженер от моего имени дал письменное указание банку все средства, которые придут в течение месяца, в первую очередь направлять энергетикам.

Умом Россию не понять... Я думаю, что гениальный поэт с болью говорил об этом. И в подтексте этой фразы звучит, наоборот, призыв к потомкам, чтобы они попытались Россию понять именно умом!

Изредка бываю в Самаре, в Новокуйбышевске.

На прошлой неделе присутствовал на презентации книги самарского писателя Ивана Ефимовича Никульшина. В своё время я был влюблен в прозу

Василия Макаровича Шукшина. Мне, родившемуся в селе, близко его творчество. И я полагаю, пока не появился прозаик Никульшин, что так и надо писать о селе. Но с самых первых книг и рассказов Ивана Ефимовича во мне появилась некая раздвоенность. Василий Макарович писал свои рассказы, находясь в городской жизни и всматриваясь из неё в деревенскую. Никульшин – весь в российской деревне, посреди неё. Взгляд его – изнутри деревни на деревню, на себя, на всех. И на весь мир. И ещё. Многие из рассказов Василия Макаровича как бы основаны на анекдоте. Часто повествуют о сельских чудиках. По своему селу знаю: на каждой улице есть свой блаженный, свой чудик, сев с которым за стол, обязательно поперхнёшься от веселья или от горчинки.

Это всё есть. Но не на чудиках стоит село. Оно держалось и держится на людях степенных, немногословных, точных в своём поведении, в своём повседневном труде. Для них главное: создать семью, иметь детей, обеспечить нормальную жизнь, быть справедливыми и праведными в своём немногословии. Неистребимо желание в сельском укладе к упорядоченности, к ясности отношений. А уж чудинка, скоморошество – потом, в праздник, в потеху.

Или я чего-то пока не понял? Я дал себе обещание обязательно побывать в Ростках. А до этого прочесть всего Шукшина.

Литература бедствует. Я знаю многих писателей, которые, имея рукописи романов, сборников стихов, рассказов, не могут их напечатать. Чтобы выпустить поэтический сборник в тысячу экземпляров, надо иметь полмиллиона рублей!

Если сейчас не начнём спасать наше искусство, какие книги будем читать лет через пятнадцать-двадцать? Каких писателей? И будут ли они? Соблазненная когда-то государственной поддержкой и брошенная теперь, наша интеллигенция пребывает в растерянности. Социальная катастрофа ускоряет её физическое исчезновение.

Частенько заглядываю в цеховые курилки. Нравится окунуться в атмосферу здорового юмора, попадая под прицел крепкого вопроса, дать хлёсткий ответ.

Меня не стесняются.

Вот и сегодня заглянул, и не зря. В самый кон, а может, чуть опоздал. Виктор Шарапов, его в этом цехе зовут “Шурупов”, а чаще – “Шуруп”, кажется, подводил черту под серьёзным разговором. Увидев меня, на секунду запнулся, дружелюбно поприветствовал. Закивали головами и остальные.

Упругая пружина разговора ещё подпирала, и Шуруп продолжил:

– Что тут непонятного-то? Отчего народ на выборах прокатил демократов? Опыт у него есть. Народ за последние семьдесят лет до конца понял враньё существующей власти. Преданный своим государством, равнодушно взирал на развал бывшей империи. Повернулся к ней многомиллионной задницей. Вот вам! Нечто похожее случилось и теперь на выборах. Веры не стало. Устали.

– Что верно, то верно. Но погоди, Витёк, маленько, дай мне сказануть о вещах попроще, раз директор у нас.

Я смотрю на бойкого мужичка – вроде не наш, не заводской. Либо из подрядчиков, либо новенький из сварщиков.

А тот бросил от азарта, не докурив, папиросу. Весь в себе, глаза раскосые, движения рысьи. Коготки спрятаны, но о них догадываешься сразу. Кажется, появился новый местный вожачок.

– Товарищ директор, хочу заметить, что руководство не торопится облегчить жизнь народу.

– То есть?

– Сегодня дефицит налички, так?

– Так, – отвечаю.

– А вот соседний нефтеперерабатывающий завод второй раз даёт зарплату бензином. Трикотажная фабрика – майками и трусами. Доколе ждать нам? Коль на нас денег не напечатали?

– Чего ждать? – подыгрываю я. – Мы расплачиваемся одеждой, сахаром, маслом.

– Не то это, скучновато. Убедите городскую администрацию, пусть скоординирует директоров. Надо, чтобы колбасный цех выдавал получку колбасой, тепличное хозяйство совхоза – огурцами, а наш завод – спиртом. Два

раза в месяц — по баклажке! После борьбы за трезвость — хорошее покаяние перед народом. Вот вам и долгожданный коммунизм настанет. В отдельно взятом городе. Правда? Выпить и закусить! Что ещё надо?..

В конце недели состоялось совещание у заместителя главы городской администрации. Оно началось на ноте тех лет, когда проводили партийно-хозяйственные активы. Докладывал начальник отдела внутренних дел. Жаловался на жизнь. Преступность не снижается. В нашем стотысячном городе каждый месяц — два убийства. Увеличилось количество квартирных краж. Не хватает около тридцати милиционеров. Пятнадцать человек надо увольнять за различные служебные проступки, да никто не идёт на замену. Жаловался, что не успевает оперативно действовать, принимает только сведения и информацию о случившемся. Оснащение, автотехника — хуже нельзя. После сигнала о преступлении надо ждать, когда вернётся ранее выехавшая бригада.

Прокурор пенял на несовершенство законов. Они не направлены на защиту личности, потому часто приходится преступников выпускать. Не хватает доказательств... .

И судья жаловался на скудность материального обеспечения. Нет столов, стульев. Не хватает судей, следователей. Заработная плата низкая, а работа сложная.

Началось обсуждение. Я сказал, что пора бы уйти от таких совещаний к конкретной программе. Да, законы несовершенны, техники мало. Надо выходить на руководство области, федерации. Всё смотреть детально. И тут же получил отповедь со стороны председательствующего: программа есть, и безответственно говорить об её отсутствии. Это было сказано категорично, повышенным тоном, неуважительно. Не стал спорить. Уехал с тяжёлым сердцем. Со мной за последние два-три года так никто не разговаривал. Тем более, на глазах многих руководящих работников города. Когда меня грубо оборвали, воцарилась гробовая тишина. Все сидели, понурясь, понимая, что происходит. Переживали... .

Начинают сдавать нервы у многих. Тяжёлая атмосфера на работе, в обществе, в быту. Подспудно накапливаются раздражительность, нервозность, связанные с неудачами в нашем реформировании.

Субботу и воскресенье провёл в лежачем положении. Передвигаюсь еле-еле. Случилась неожиданное. Утром пошёл вытряхивать половики и ковёр. Прекрасная погода. Нагнувшись, сметал снег с ковра. Вдруг будто стрельнуло в поясницу. Тут же инстинктивно попытался разогнуться и не смог, застрял в положении, похожем на букву “Г”. Нашёл опору, прислонился. Ждал, может, кто-то подойдёт. Чтобы не простудиться, в той же позе метров сорок прошёл до подъезда. Вышла жена. По лестнице еле поднялся. Сын и невестка сделали растирание. Приспособили грелку, напоили чаем. В понедельник вряд ли выйду на работу. Отчего это могло быть? Последняя неделя была напряжённой. Но ведь они все непростые.

На этой неделе мы встречали иностранцев, обсуждали с ними предстоящие договоры. Обсуждали и контракт по реконструкции одного из производств.

Были моменты, когда завод балансировал на грани полного аварийного останова... .

В пятницу днём — наскок нового поколения коммерсантов, желающих торговать продукцией нашего предприятия. И всё на нервах.

Неделя должна была начаться с калейдоскопа важнейших событий, а я лежу около чёрного ящика своего магнитофона, на который наговариваю эти слова, и думаю: смогу ли сесть утром в машину, пройти по лестнице на второй этаж в заводоуправление? Стоит ли рисковать? И не комично ли всё это будет смотреться? Очевидно, дня два ещё придётся провалиться.

Четвёртого числа — конференция по итогам года, 20 февраля — мой день рождения — пятьдесят лет. Двадцать шестое февраля — первое собрание акционеров с достаточно серьёзной повесткой дня, один из вопросов — избрание генерального директора. Во второй декаде февраля предстоит поездка в Москву на встречу с представителями бельгийских фирм для окончательного подписания контракта.

Болезнь некогда.

Февраль

Уже неделю работаю. Несмотря на то, что врачи прописали постельный режим. Два дня назад состоялась конференция по итогам выполнения годового коллективного договора.

Год завершили неплохо. Сделали всё, что могли. Или почти всё. Имеем прибыль, несмотря на то, что наши потребители не оплатили полностью полученную продукцию. Правда, допустили незначительное падение объемов производства. Но не продали ни турбазу, ни пионерский лагерь. Они действуют.

Конференция прошла выдержанно. Выступлений много, но все достаточно конкретные. Ни шума, ни расхлябанности, ни провокационных действий. Народ – как жёсткая пружина. Все видят, что в народном хозяйстве творится неладящее. Коллектив верит в руководство завода. У нас традиция: раз в два месяца – “прямая линия”. Собираю у себя в кабинете всех главных специалистов, начальников отделов и на весь завод по радио ведём разговор. Любой заводчанин может обратиться по телефону, мы отвечаем. Обычно такая процедура длится два, два с половиной часа. В этом году “прямые линии” не проводил. Трудно говорить и обещать что-то конкретное на ближайшие недели. Тяжёлое время. И мы пока отказались от такой формы общения.

Поэтому и трудные вопросы на заводской конференции всё же были. Я отвечал, как думал. Мы подошли практически к той черте, за которой зияет пропасть. И это объясняется тем, что у нашего государства нет промышленной программы. Она должна быть в ближайшие полтора-два месяца обнародована, иначе промышленность хаоса не выдержит. Программа должна обязательно предусматривать элементы планового хозяйства. Я не думаю, что это звучит консервативно. Ясно, что необходим комплекс мер государственного регулирования образования цен в переходный период. Нужны и отраслевые программы, работающие через предоставление льгот. Необходимы стабильность и партнёрство. В правительстве место не романтикам, а сосредоточенным прагматикам.

Своё отношение к происходящему мы должны были выразить публично. Мы это сделали в Обращении к местной администрации, к правительству. Коллектив просил рассмотреть сложившуюся ситуацию и подготовить промышленную программу, определить уровень совокупного дохода налогоплательщика, ниже которого в своём реформировании не должны опускаться.

Когда кончилась конференция, я зашёл в заводоуправление, навстречу попала пожилая женщина, работавшая лет десять тому назад в одном из цехов. Она уже на пенсии. С горечью, но бодрясь, сказала:

– Вот, приехала на завод что-нибудь купить. В городе не могу приобрести самое необходимое.

– Так плохи дела?

– А чего же хорошего? Пенсия – тридцать тысяч, мужа ударил инфаркт, лежит...

Отличная работница. Человек неунывающий. А когда прощалась, обронила:

– Что же с нами будет? С детьми? Кому они нужны? Где будут брать жильё, куда пойдут трудиться?

Что на это сказать? Раньше смог бы ответить умело и с достоинством. Сейчас её вопросы повисли в воздухе.

Смонтировали три мощных водяных насоса и несколько теплообменников. На них для нагрева воды подали свой бросовый пар. Получилась установка по отоплению завода. Все работы вели без проекта, торопились. Включили схему вчера вечером. Превосходно! До сотни цеховых помещений и заводоуправление могут теперь обходиться без услуг энергосистемы. Эффект экономический и, что очень важно, психологический.

Главный энергетик Виктор Александрович выглядел именинником.

Сегодня день моего рождения. Мне пятьдесят. Съезжаются родственники, будет человек тридцать. В пятницу у нас был праздничный ужин. Я пригласил своих помощников, главных специалистов, тех, с кем начинал работать на заводе. Были москвичи. Из Тольятти приехали шесть человек однокашников по

институту. Повяло молодостью. Вечер прошёл замечательно, красиво, празднично. Все стосковались по хорошему застолью, по встрече в непринуждённой обстановке. Поздравляли с тем, что не сдаюсь, защитил докторскую.

Конечно, это юбилейные речи, но приятно слышать.

Меня иногда спрашивают:

– Профессия директора, первого руководителя – творческая или нет?

Отвечаю:

– Творческая, и особенно сейчас, когда нет установившихся понятий, недостаточно нормативных документов, невнятная финансово-экономическая политика. Творческая в том смысле, что приходится много думать и чаще брать ответственность на себя.

Я не раз убеждался, что, казалось бы, нерешаемые проблемы вдруг становятся разрешимы. И это зависит от того, как напряжённо и неотвязно ты думал над поиском выхода. Иногда решение возникает в самый неподходящий, казалось бы, момент. Бывает и во сне, это уже хрестоматийно. Обидно только, что некоторым кажется: найденное тобой решение даётся запросто, что это определено директорским креслом. Очень наивно!

Сегодня едем по нашей центральной улице. Шофёр Алексей говорит:

– Вот в этом доме жил мой друг, вчера похоронили.

– Болел?

– Нет, купил мебель и обмыл с друзьями.

– До смерти?

– Выходит...

И рассказал подробности.

Днём с друзьями Михаил собирал мебель. Неделю назад до этого вселился в новую квартиру. Вечером, изрядно уставшие, сели на кухне поужинать. Как водится, выпили. Друзья стали добродушно подтрунивать: на четверых одной бутылки мало.

– Действительно, мало, – поддержала жена. – Сейчас на углу старушки всюю торгуют. Возьми одну, так и быть, санкционирую.

В бутылке оказался метиловый спирт...

Был в одном из отделов соседнего завода и оказался свидетелем такой сцены. При мне попросили к телефону сотрудницу, женщину миловидную, элегантно одетую. Звонила её мать. Я невольно слышал разговор. Она жаловалась на сына этой женщины, то есть на своего внука. Внук послал её, после каких-то замечаний, подальше. Бабка не на шутку разволновалась. Мать тут же потребовала дать трубку сыну:

– Ты почему себя так ведёшь? Тебе всего десять лет...

Не дождавшись ответа, симпатичная мама очень наставительным тоном говорит буквально следующее:

– Пока я зарабатываю, чтобы тебя кормить, ты позволяешь себе такие вещи. Бабушке грубишь... Я тебя кормить за это не обязана. Извинись перед бабушкой и скажи, что больше так делать не будешь. Понял? Я должна горбатиться на тебя, а ты так себя ведёшь. Как же ты будешь относиться ко мне, когда я буду старенькой?

Телефон не отвечал.

Стало страшно за судьбу этого мальчика. Никогда в нашем детстве, очевидно, повинуюсь какому-то внутреннему такту, как бы ни было тяжело, не прекали никого куском хлеба. Это расценивалось как самое обидное и самое страшное, что можно сказать ближнему. И никогда никто не говорил, что мы должны, став взрослыми, кормить своих родителей. Это было само собой разумеющимся. Если в каких-то разговорах эта тема и проскальзывала, то звучала больше иронически: посмотрим, дескать, как будет, когда мы состаримся...

Раньше, при Советской власти, по четвергам проводились дни политпросвещения. Теперь – ежедневно, в курилках. Здесь каждый – политолог.

На этот раз я немного опоздал. Когда шагнул в духоту, речь держал один работяга.

– Жаль, что живём не в литературную эпоху, а в политическую. Мир управлен политикой. А как было бы здорово, если наоборот. Я выдвинул бы тогда на пост президента Антона Павловича Чехова.

Белобрысый парень с невинным лицом, лениво растягивая слова, дал новый крен разговору:

– Говорят, французы изобрели оргазмометр – прибор для определения пылкости влюблённых. Если женщина пережила оргазм с партнёром, на экранчике появляется синусоида. Если, стерва, притворялась – линия остаётся прямой.

– Ну?..

– Вот тебе и ну. Такую бы штуку для определения правдивости политиков изобрести!..

Вот вам и курилка! Уроки политпросвещения.

Атмосфера в курилке всегда напоминает о детстве. Мальчишкой я часто бывал среди артельного люда. Привык. Видел и слышал порой такое, что не каждому взрослому дано. Но дурное куда-то уходило. Оставалось радостное.

Знаю, пока живу, буду помнить своё детство как что-то пахучее, золотистое, гудящее, зовущее, поющее... То это влажная лоснящаяся спина осёдланного мною Карего, то ошалевший от ранней весны шмель. Или это грудной, призывный голос витютня в молодом осиннике на Бариновой горе. Детство... А может, это поющее колесо дедова рыдвана, который, оставляя глубокую влажную колею в песке, съехал с крутого склона на гулкий деревянный мост через реку у посёлка Красная Самарка и дробно, призывно манит за собой? Или это – глубокий полуразрушенный колодец, вода в котором вдруг засверкала в полдень от зенитного солнца, и ты, заглянув в него, обнаружил самого себя, недоверчиво вглядываясь и недоумевая: то ли это серебро глубинной воды, то ли твоя седина вмиг сделали колодец светлым и радостным. Не знаю... .

Март

Только что вернулся с заседания Совета директоров, созванного главой городской администрации по поводу ЧП в акционерном обществе “Утёс”. Информацию дал сам участник происшествия – генеральный директор “Утёса”.

На годовое отчётное собрание общества приехали представители из четырнадцати регионов России. Ровно в девять вечера, по соседству, в комнате отдыха, которая рядом с кабинетом генерального и где проходило собрание, послышался звон разбитого стекла. Через несколько секунд – взрыв огромной силы. Находившийся там сейф пробило в нескольких местах. Взрывной волной опрокинуло и изуродовало холодильник. Стены посеколо осколками. Прибывшие представители компетентных органов обнаружили под окном чеку от гранаты. Но злоумышленников, как водится, и след простыл.

Мы разошлись с заседания не в самом хорошем настроении. Чувствовали неготовность навести порядок в городе.

Последняя неделя ознаменовалась большими событиями. Мы посчитали, во что обходится в связи с новыми налогами на импорт, экспорт и добавленную стоимость новое производство полиэтилена, которое намереваемся начать строить. К нашему кредиту, который берём для этой цели, необходимо добавить ещё сорок семь миллионов немецких марок. Враз возникло удорожание на пятую часть общей стоимости проекта. Надо решать: отказаться или искать дополнительно средства.

Энергетиков донимают за долги газовой, и они твёрдо заявили, что останутся за неплатежи соседний нефтехимический комбинат. Тогда возникнет проблема с городскими стоками. Большая часть их проходит очистку на этом предприятии и незначительная – на нашем. Комбинат даёт воду на ТЭЦ для котлов и вообще на всю хозяйственную деятельность, в том числе и нашего завода. Если он полностью остановится, то парализует и эту сферу.

Сегодня воскресенье. Выполнят энергетики ультиматум или нет? Начало следующей недели покажет. Но как можно быстрее ликвидировать кризис неплатежей и выплатить долги государства трудящимся. Вернуть хотя бы половину аграрному сектору и ВПК. Вот тогда что-то сдвинется с мёртвой точки. Опосредованно, но дойдёт волна до нефтехимии, до общих сфер народного хозяйства, до города. Ну, а если... .

... Сейчас говорят, что искусство у нас гибнет. Но чаще переломные времена и рождают великие произведения.

Произведения великие, а жизнь мерзкая. Возьмём “Тихий Дон” Шолохо-

ва. Гениальное произведение! Но сама гражданская война, жизнь, быт во время неё? Вражда между русскими (брат на брата, сын на отца...). Это – ад. Это – трагедия. Увы, успехи искусства связаны с потрясениями в обществе, в самой жизни. Пройдёт десятка два лет... увидим, кто прав.

“Факт”, – как говорит Давыдов в “Поднятой целине”.

Кстати, первоначальное авторское название этого романа было “С потом и кровью”. И это название ближе к жизни. Но у времени – свои законы.

В руках – одиннадцатый мартовский номер газеты “Экономика и жизнь”. Такая вот информация: в феврале более четырёх тысяч предприятий России имели длительные остановки всех или отдельных производств. Потери рабочего времени составили 22 миллиона человеко-дней, или 18% табельного фонда. В дополнительный неоплачиваемый или частично оплачиваемый отпуск по инициативе администрации в феврале отправлены 22% работников остановившихся предприятий. В истекшем месяце бастовало двадцать восемь предприятий топливной промышленности. В результате потеряно шестьдесят тысяч человеко-дней рабочего времени. За январь и февраль промышленное производство упало на двадцать четыре процента в целом к соответствующему периоду прошлого года. На практике это означает закрытие около ста заводов. “Представьте себе, сто директоров бродят по стране, – сказал Григорий Явлинский на заседании Государственной Думы, – а завтра их будет двести”.

В этих условиях, по его мнению, важны не столько абсолютные цифры, сколько сам факт. Тысячи других директоров ведущих предприятий ждут банкротства, тогда и они присоединятся к вышеназванным.

Мы решились строить новое общество. По новым для нас законам, законам капитализма. Но у капитализма порой они волчьи...

И уже нарождается новая порода людей. И волчата пробуют зубы.

В начале этой недели вечером в подъезде собственного дома избили возвращавшегося с работы генерального директора соседнего акционерного общества. Ранее ему неоднократно угрожали.

Мало того, что предприятие почти стоит, совершено нападение на первого руководителя. Я с ним встретился, разговаривал. Лицо всё побито, в подтёках.

Такое же, в болезненных гримасах, и лицо нашей российской промышленности!

Ничего неожиданного нет в гуляющих по Москве слухах о готовящемся государственном перевороте. “Комсомолка”, “Известия” пестрят статьями о вариантах заговора. Но ни политики, ни население, по-моему, серьёзно эту возню уже не воспринимают.

Из газет: “22 марта 1994 года в 20.58.01 по московскому времени в районе Междуреченска потерпел катастрофу пассажирский самолёт-аэробус А-310-300 авиакомпании “Российские авиалинии”, выполнявший рейс по маршруту Москва – Гонконг. Все находившиеся на борту 75 человек погибли”...

Около столовой случайно встретился с бывшим работником нашего завода – заместителем начальника одного из цехов Скорняковым Александром Ивановичем. Два года назад настигшая его в тяжёлой форме стенокардия вынудила уйти на пенсию. На вопрос: “Как жизнь?” – ответил:

– Туговато с деньгами, пенсия всего пятьдесят шесть тысяч.

Средний заработок по городу – сто восемьдесят тысяч рублей. Против той, которая была у нефтехимиков пять лет назад, меньше половины. Не густо...

– Но мне много не надо. На еду хватает. Зато узнал, что у жизни имеется и другая сторона. Хожу с внуком на рыбалку, в театр.

Интересная штука – пенсия. Посмотрим.

Посидим ещё на лавочке у дома. Если доживём...

На сегодня в бюджете города пусто. Наш завод переплатил по итогам прошлого года миллиард рублей. Пытался через налоговую инспекцию день-

ги вернуть, но нет денег для возврата. Это было бы не так грустно, если б не было ясно, что второй квартал вообще не принесёт прибыли. Не будет её и у соседей. Пополнения городской казны ждать неоткуда. Мелкие предприятия, товарищества, кооперативы лопаются, как мыльные пузыри. В основном из-за непосильных налогов и разрыва связей, нестабильности. Много рзета, угроз. Откуда ждать поступлений в бюджет?..

... Мне рассказывают знакомые, что некоторые преподаватели вузов прекращают лекции, мотивируя тем, что надо идти на рынок продавать товар. Доценты занимаются челночным бизнесом. На преподавательскую зарплату прожить невозможно. Она в два раза меньше стоимости потребительской корзины. Трудно академической науке. Невозможно нормально учить детей. Критерии, приоритеты у многих студентов теперь другие. Они видят, что можно не учиться, а зарабатывать больше дипломированного специалиста. Печально. Но это нельзя ставить в вину молодёжи. Винаваты мы, старшее поколение.

В середине прошлой недели звонил из Москвы один из чиновников, курировавший нашу отрасль ещё в том, советском министерстве. Спросил:

- Ну, как дела на полиэтилене?
- Нормально. Стоим.
- Как – стоите?
- Очень просто. Четвёртый месяц уже. Полиэтилен убыточен.
- А как фенольное производство?
- Стоит, как и полиэтилен...
- А что ещё остановлено?!
- Остальное работает.
- Как нагружено?
- Процентом на восемьдесят.

Лет восемь назад, во времена СССР, этот разговор показался бы дикостью! Никто не занимается народным хозяйством страны.

Апрель

Оборотных средств не хватает. Задушила предоплата. Это новое явление нашего времени. Суть её в том, что железной дороге, например, необходимо оплатить более половины, чтобы она приняла груз к перевозке; поставщикам сырья авансом покрыть половину его стоимости. Душат неплатежи, ультимативные требования партнёров. При существующей системе налогов нет возможности ни развиваться, ни пополнять оборотные средства. Налоги поглощают до семидесяти процентов прибыли. Работающих промышленных предприятий всё меньше. Прошла информация, что на тридцать предприятий области подготовлен документ о банкротстве. То есть они уже в черновом списке числятся как банкроты.

Не могу, не хочется верить!

Два дня назад одного нашего рабочего положили в травматологию. Возвращался вечером домой. На остановке набросились подростки, человек пять. Ударили сзади по голове, сшибли с ног, раздели и разбежались.

Волчата. Зубы режутся.

В недавней поездке в Москву попутчиком оказался крепкий семидесятилетний мужчина. Язык не поворачивается назвать его стариком. Выбрит, при галстукe, активен в разговоре, чётко в суждениях. До недавнего времени работал в строительном главке. Работал, как он говорит, с темна до темна, включая выходные. Не заметил, как дети выросли, как сам стал пенсионером. Очень много рассказывал забавных подробностей из быта строителей тех времён. Но каждый раз возвращался к одному: “Почему нас всех огульно охаяли при перестройке? Да, мы – коммунисты, но разве не мы создали индустрию страны, разве не мы положили все свои годы и силы в работе?”.

Он говорил, не дожидаясь ответа, знал его заранее.

– Мой генеральный часто не ездил домой ночевать. Жил в кабинете. Мы ему, чтобы сшить новый костюм, мерку снимали в тот момент, когда он спал на диване, иначе поймать не могли, а теперь говорят – “номенклатура”, “ком-

муняки”, клеймят по-всякому. Кто-то гнул ложную политику, а кто-то — спину в работе. Обидно. Сейчас пенсия — тьфу, говорить стыдно, на дорогу в Москву и обратно не хватает. Куда дальше? Вот сел писать книгу о таких, как я. Нас ведь обокрали и оболгали.

— Кто, — спрашиваю, — те, кто при перестройке, или после?

— И до перестройки, и при ней, и после неё. Человека труда всегда обижают.

До мельчайших подробностей помню обстоятельства, при которых родилась моя дочь Соня. Я работал тогда заместителем начальника цеха. Был в отпуске у матушки в деревне. Уехал и не рассчитал: у жены начались роды. Мне позвонили. На другой день примчался в город. Перед посещением роддома заскочил домой переодеться. Только снял рубашку, стук в дверь. Открываю — посыльные с завода. Оказалось, что в семь часов двадцать минут в тот день, когда наступили роды, наш цех взорвался. Погибли три человека. Один из них, Николай — старший аппаратчик, мой коллега.

Через двадцать минут был в цехе. Завод стоит. Прибыли из Москвы три заместителя министра. Комиссия занимается расследованием. Кипит работа по разбору завалов. Я попал в роддом только на пятые сутки! Посылал жене записки прямо с места аварии. О взрыве молчал. Врал, что заболел начальник цеха, обострилась язва желудка, лежит в больнице. Никак не могу вырваться. Трое суток, днём и ночью, около двухсот солдат помогали разбирать завалы. Искали погибших. Нашли на четвёртый день, когда я первый раз уехал домой поспать. Перед окном палаты, где лежала жена, появился на пятый день. Увидев меня, она погрозила кулачком. Оказывается, накануне парень с соседнего завода, у которого жена в той же палате, стоя под окном, объявил громогласно:

— Мы уже почти неделю разбираем на соседнем заводе взорвавшийся цех, — и назвал номер цеха и мою фамилию...

Моей вины в той аварии не было; за двенадцать предшествовавших ей дней каких-либо технологических осложнений и причин, способных повлечь за собой взрыв, не обнаружено. Таков вывод комиссии.

Цех подняли в рекордный срок — за три месяца. Досталось всем крепко. Это и громадная школа. Две недели не выходил из проектного института. Вся документация на восстановление прошла через мой контроль. Чуть позже руководство завода предложило мне возглавить соседний цех.

В системе, существовавшей до перестройки, многое можно критиковать. Но оперативности, чёткости, отлаженности работы производства позавидуешь! На восстановлении задействовали все необходимые силы и средства области.

Май

В этом году бывший День солидарности трудящихся совпал с Пасхой Христовой. И, может быть, от того возникло ощущение, что праздники нынче пройдут более спокойно, более миролюбиво, хотя и планируются массовые манифестации и демонстрации в Москве. У меня в руках открытка: “Христос Воскресе, уважаемый Виктор Сергеевич! Примите сердечные поздравления с праздником святой Пасхи. Воистину Воскресе! С молитвенными пожеланиями, епископ Самарский, Сызранский — отец Сергей”.

Нельзя было года два-три тому назад представить подобного проникновения Церкви в повседневный быт российского гражданина. И это уже знаменательно!

С отцом Сергием познакомился в доме отдыха, когда ещё жил и работал под Самарой. Интеллигентный, спокойный, воспитанный человек. Мы сыграли несколько партий в бильярд. Он подарил мне две духовные книги. А недавно попросил изготовить два десятка подсвечников для церквей. На прошлой неделе мы просьбу выполнили.

Газеты пестрят заголовками статей о приезде на АвтоВАЗ Гайдара. Сам он заявляет, что цель — встреча с избирателями. Но, конечно, — и организационная работа по созданию партии “Выбор России”. Меня, прежде всего, интересуют его высказывания в газетах и на телевидении о финансово-экономическом состоянии страны.

Вот в газете “Дело” за 22 апреля 1994 года читаю: “Погашение взаимозадолженности и вообще любые меры по урегулированию проблемы за счёт ослабления кредитно-денежной политики, как показывает богатый опыт, приводит, прежде всего, к результату, строго обратному ожидаемому (...) Есть одна проблема, в которой вина правительства огромная, это – неплатежи самого правительства. правительство берёт на себя крупные обязательства, а потом не выполняет, что, к сожалению, активно делалось в начале 1993 года”.

Что же получается? Самый большой должник – государство. Оно не выполняет свои обязательства. В то же время обвинение бросается руководителям, которые не могут якобы возглавлять предприятия, ибо они неплатёжеспособны. У нас порочный круг неплатёжеспособности. Вину валят то на правительство, то на предпринимателей. Не верю, что смена руководителей предприятий выведет страну из кризиса. Сам Гайдар тут же утверждает, что кризис преодолеем тогда, когда инфляция будет ниже трёх процентов. Тогда при чём здесь руководители? Их замена даст кредит времени нашим политикам от экономики? И больше ничего! Но ведь для предприятий это явно нежелательно. Как у идеологов наших реформ, за которые, кстати говоря, и я голосовал, поднимается рука огульно на всех директоров. Ведь это – громадная армия многоопытных, талантливых россиян, которых скопом подводят под ранг недееспособных. А семьи, родственники и близкие, их судьбы? И всё одним росчерком, одним жестом?! Не исключая ветеранов, участников войны, классных умельцев-производственников, рабочих-мастеров! Все – заложники каких-то мистически ожидаемых результатов реформ, суть которых в общем плане понятна всем, но нет ни механизма, ни программ реализации, согласованных с народом. Генеральный директор акционерного общества АвтоВАЗ В. Каданников в сердцах заявил со страниц областной газеты, что у него назрело желание выйти из нашего государства. Интересно, куда?..

Творится несуразное не только в нефтехимии и нефтепереработке, но и на многих промышленных гигантах. АЗЛК – второй крупный производитель автомобилей в России – работает по графику, установленному в январе: три дня в неделю, собирая по пятьсот машин в сутки. Последняя остановка главного конвейера АЗЛК в первой половине марта связана с нехваткой финских двигателей. Сейчас двигателей достаточно для нормального ритма производства в течение ближайших двух недель, но только сокращённых...

На крупнейшем предприятии “Нижнекамскшина”, где в коллективе шестнадцать тысяч человек, средняя зарплата рабочего – сто пятьдесят тысяч. Путьёвка в Сочи – пятьсот пятьдесят тысяч. Пожалуйста, бери отпуск, езжай в Сочи, отдыхай и потом три месяца сиди без денег, ищи подножный корм.

Земля всегда как-то выручала. И сейчас помогает. Поэтому резко возросла потребность в огородах, дачах, земельных участках. В выходные, на праздники большинство наших работников, да и с соседних предприятий – там. Хорошо, что мы обеспечили огородами всех желающих, хоть это спасает!

Двадцать дней, как у меня родился внук. И все они заполнены хлопотами вокруг нового человека, маленького, но так крепко сплотившего вокруг себя всех нас. Когда внука привезли домой, такого трогательного, беспомощного, я, наивный, вдруг подумал, что видевшие рождение ребёнка люди, которые были рядом с ним с первых минут появления на свет и которые ощутили это трогательное, щемящее чувство к крохотному ростку незащищённой человеческой жизни, неповторимости её, не могут потом поднять руку вообще на человека, причинить физическую боль.

Его отец уехал в Москву. Через день позвонил и на вопрос: “Как доехал?” – ответил:

– Нормально, но с маленьким ЧП.

Оказывается, поезд остановили на полдороги. Поступил звонок из железнодорожной милиции о том, что заложена мина. Прибыли сапёры. Подогнали запасной состав, перегрузили пассажиров. Потеряли на этом четыре часа. Как потом сообщило телевидение и местные газеты, мину не обнаружили. Какой-то умник вздумал позабавиться. Шутка, разумеется, дорого обошлась и железной дороге, и пассажирам. Курьёзно: в одном из вагонов в сумке нашли деньги – около десяти миллионов рублей. Хозяин так и не объявился.

В безумное время появился на свет мой внук!

Резко падает выпуск большинства видов продукции самого различного назначения. Ни экономисты, ни практики — никто не ожидал таких темпов снижения общепромышленного производства. Увеличилось число простоев и полной остановки предприятий. Отпуск цен на энергоносители стал практически первым толчком к деградации нефтехимии в целом. Её поставили на грань катастрофы. Из наукоёмкой, приоритетной нефтехимия превращается, пожалуй, в одну из самых бедствующих отраслей. В прошлом году нефтехимия в целом и наше акционерное общество ещё как-то успевали реагировать на ценовой рост, но трёхкратное повышение тарифов на электроэнергию с начала нынешнего года привело к потере платёжеспособных потребителей на внутреннем рынке из-за высокой цены продукции. А ведь наша нефтехимия занимала в советское время второе место по выпуску продукции после США.

На этой неделе Борис Ельцин был в Германии. Основная цель: условия вывода российских войск. Визит сам по себе, как и предполагалось прессой, социологами и политологами, оказался бесконфликтным. Все необходимые документы подписаны, оценка встречи обеими сторонами — положительная.

Визит этот мог бы быть примечательным и для нашего завода. Я напряжённо следил за посвящёнными ему телепередачами. Дело в том, что месяца за полтора мы послали Ельцину письмо с просьбой рассмотреть проблемы реконструкции завода, в частности, вопросы строительства установки по производству полиэтилена. Я уже говорил об этом. Мы были готовы строить. Но изменили систему таможенных пошлин. Ввели спецналог на ввозимое оборудование. В связи с этим выросла стоимость нашего контракта на сорок семь миллионов немецких марок. Это усложнило экономическую ситуацию на заводе. Денег таких мы не имеем. Попросили Бориса Николаевича оставить условия налогообложения и таможенных пошлин на период строительства те, которые действовали на момент заключения контрактов.

Ответа не последовало.

Кажется, Декарту принадлежат слова: “Пока живу — надеюсь, пока надеюсь — живу”. Мой коллега, директор, который уже смирился с тем, что его предприятие — банкрот, сказал мне:

— Смотри на это дело философски. Всё пройдёт!

Когда 26 апреля у меня родился внук Виктор, мы — оба деда и его отец — на нашей даче заложили в нержавеющую трубу пару бутылок: коньяк и сухое вино. Написали на листке пожелание и закопали. Договорились — через пятнадцать лет, в день его рождения, показать это место. Пусть сам достает и читает.

Здорово, если бы и мои вот эти записки лет через пятнадцать оказались интересными хотя бы моему внуку. Когда он вскроет наше послание, мне, если доживу, будет шестьдесят пять. Пусть внук через годы услышит нас. Задумается: какими мы были, почему так поступали? Отчего не делали очевидные вещи, в силу каких причин? И наступит ли в России период, когда можно будет побороть то, что мешает сейчас? Конечно, цивилизация выйдет на другой уровень. Вполне возможно, сильно улучшится быт. Не на таких, как сейчас, самолётах будут летать. С иной скоростью. Это — цивилизация. А культура? А ум? Так хочется, чтобы культура опережала цивилизацию. Поднималась быстрее. Вперёд, всё выше, выше и выше! Вспомним, Лев Толстой ходил пешком, землю сохой пахал, верхом на лошади в валенках ездил по Москве... Но каков был дух его!

Пришла правительственная телеграмма за подписью руководителя департамента с поздравлением по поводу избрания меня членом-корреспондентом Российской инженерной академии. Приятно, что в общем хаосе заметили... Но большой радости нет. Она, возможно, и была бы, если б я не так часто сталкивался с жутко суровой нашей действительностью. На сегодня нет и не могут быть изобретены и разработаны нашими учёными технологии, которые в состоянии резко вывести предприятия из экономического провала. Почему? Ответ не в сфере науки и технологии, а в сфере ценовой политики и вообще политики. Сырьё и энергоресурсы так дороги, что они самую эффективную технологию делают убыточной. Наука в этой ситуации не спасает. Саму науку

спасать надо. Сегодня профессор в институте получает меньше, чем уборщица на нашем заводе.

Работа в секции академии с первых дней подтвердила мою оценку ситуации. Забота академии на сегодняшнем этапе – найти возможность выжить самой науке. Впрочем, одна ли она в таком положении? Прекрасные артисты нашего областного, между прочим, академического, театра оперы и балета по-настоящему бедствуют, но переносят это достойно. Куда деваться?

Июнь

В селе, где я родился и жил до восемнадцати лет, двое крепких парней решили сделать для земляков доброе дело. За селом в реку Самарку впадает небольшой безымянный приток. Тихая в летнюю пору, речушка в половодье, собирая со всех окрестных полей воду, несёт огромный, ревущий, многоголосый поток. Парни решили перегородить дорогу воде плотиной, прорыть небольшой перешеек и пустить её по старице в ту же Самарку, но километром выше по течению от старого места. Смысл в том, что на этом пути поток по своему ходу заполнял бы несколько обмелевших озёр, и они должны были ожить и пополниться рыбой. Благое дело. Осенью два бульдозера, подчиняясь воле азартных ребят, с одобрения начальства и односельчан, усиленно рыча, выполнили своё дело.

А весной случилось неожиданное, не как замышлялось. Не только все озёра переполнились водой, но под воду на всё лето ушли песчаные, сотни лет служившие людям дороги. Некоторые уголки леса стали недосыгаемы, развелись мошара, гниль. Но мало того, поток, разъярённый в азарте освоения новых путей, с такой силой вырвался к Самарке, что на целом гектаре повалил вековые осокори, они своими телами вкривь и вкось сверху накрыли новое расширившееся русло. Получились чудовищные завалы, гигантские и фантастические. Чуть ниже выхода водной стихии на левом берегу реки возвышался огромный каменистый мыс, поросший старинными дубами. Мыс олицетворял, казалось, вечное и постоянное. Его и всё, что на нём, снесло в одночасье, река раздвоилась. Чуть ниже образовался остров. Изменилось всё окрест. Старое русло превратилось в заболоченную неприглядную низину, начало зарастать кугой. Люди не сразу смогли привыкнуть к новому. Некоторые поговаривали о том, чтобы разрушить плотину.

Когда я рассказал эту историю своему приятелю, назвав в шутку тех ребят прорабами перестройки, он усмехнулся:

– Действительно, наша перестройка. Но с одной разницей.

– С какой?

– Ребята действовали от души, простодушно, а перестройка с самого начала была лукавой, а потом – вовсе лживой.

Странное чувство испытываю в последнее время. Оно сродни тому, которое было, когда восемнадцатилетним парнем приехал учиться в город. Прекрасное было тогда время. Я воспринимал себя представителем нашего села, как будто пришёл в город – и всё село поручило мне представлять его там и защищать. Я так в себе это и нёс, так и поступал. Пренебрежительные слова в адрес села, не только моего, а вообще всего деревенского мира, встречал болезненно. И при своём спокойном, достаточно уравновешенном характере лез драться. Защищал не себя, а всех нас, сельчан – облыжно оболганное, затюканное сельское население. Родное моё село давало силы. Было обидно за него. Теперь кажется странным, как мне всё-таки не свернули шею. Сейчас, когда мне уже пятьдесят, чувствую себя частицей, но уже не села, а той части россиян, которая должна вывести или которая поспособствует своим трудом выводу России из того удручающего состояния, в котором она оказалась. И у меня, как в мои восемнадцать лет, когда кто-то ругает Россию, смотрит свысока, пренебрежительно относится ко всему русскому, чешутся руки. Мне горько, что россияне походя, где ни попадя, бьют и ругают самих себя. Невыносимо, когда иностранцы смотрят на нас высокомерно. Но чаще всего сочувствуют, часто говорят: вы умные, грамотные ребята, такие симпатичные, как же так сложилось, что многое у вас никак не получается?

Из сегодняшнего номера газеты “Известия”: “В пятидесятые годы в России ежегодно рождались 2,5–2,8 миллиона детей. В 1991 году в стране роди-

лись 1,8 миллиона. В 1992 – 1,6 миллиона, в 1993 – всего 1,4 миллиона детей. По последним данным, средняя продолжительность жизни в 1992–1993 годах у мужчин – 59 лет, у женщин – 72,7 года. Велико превышение средневропейского уровня смертности от убийств (в 20,5 раза у мужчин и в 12,2 раза у женщин)».

Такой ли ценой надо перестраивать российскую жизнь, менять государственное устройство?

Июль

Сегодня пятница. Уехал с завода, получив известие от железнодорожников о прекращении вывоза продукции до полного погашения задолженности. Более трёх миллиардов рублей! Вот так, под выходные. Будто специально!

Энергетики телеграммой требуют срочно дать график выплаты задолженности с фиксированной суммой по неделям. В противном случае грозят немедленно снизить подачу пара.

Вслед за этим главный инженер ТЭЦ предупредил: возможна полная остановка станции, а значит, и нашего завода из-за прекращения подачи мазута с соседнего нефтеперерабатывающего предприятия. Оказывается, нефтяники отказались закачивать на НПЗ нефть. Диспетчер вбежал в кабинет ещё с одной «мелочью»: на нашей туристической базе на Волге хулиганы устроили дебош. Гоняют персонал, директор вопит по рации: «Не пришлите милицию – разнесут всё в щепки!».

В подъезде нашего дома с зимы в подвале, где тепловой распределитель образовался притон. Вначале я не обращал внимания на пробивавшийся наружу электрический свет. Всё открылось, когда однажды спустился туда. Самодельные лежаки, матрацы. Девушки меж желторотых пацанов. По утрам, отправляясь на работу, сталкивался с заспанными, опухшими, потухшими лицами дарительниц «райского наслаждения». Несколько раз звонил в домоуправление и милицию. Бесплезно. Кончилось пожаром, дым проник в соседние подъезды, заволкло первые три этажа. Пожарные поработали усердно. Залили всё. Жильцы сначала запаниковали, потом разъярились. Полуживых виновников – кого разогнали, кого отправили куда следует.

Гуляю в парке с внуком, положив под одеяло в коляске газовый пистолет. Когда наклоняюсь к внуку, какая-то недетская усмешка появляется на его пухлых губах. Он усмехается надо мной? Или сразу над всем нашим поколением? Заранее уже зная о нас такое, чего нам не дано?

Такое ощущение, что бесы правят бал, затянувшийся и изнурительный.

Первая половина года позади. Родственные предприятия либо стоят, либо их сильно лихорадит. Мы работаем. Прибыль нулевая. Правда, пока не продали, как это делают многие, ни одного объекта социально-бытового назначения. За последний год миллиард рублей в виде дотаций затратили на содержание жилья. Оно должно отойти городу. Это теперь – муниципальная собственность. Но средств у городских властей нет. Отдать – значит развалить всё хозяйство и обречь значительную часть города на разруху.

Полезно иногда оглядываться назад. Попались на глаза листочки из сообщения моего заместителя по экономическим вопросам об итогах первых четырёх месяцев 1993 года. «Как оценивается ситуация на заводе в данный момент? В условиях всеобщей экономической депрессии до самого последнего момента удавалось не только держаться на плаву, но и кое в чём продвигаться вперёд. Немыслимыми в условиях плановой экономики темпами коллектив завода за последние два года организовал производство реагентов для нефтедобычи. Через некоторое время начнём выпуск высокоэффективного реагента для литейных производств автозаводов. Короче говоря, за 4 месяца этого года объём производства в сопоставимых ценах увеличился по сравнению с январём-апрелем 1992 года на 17,5%».

Такие итоги позволили избежать социального кризиса на заводе. Постепенно растёт средний заработок, люди получают продовольственные и промышленные товары, нормально работают учреждения социальной сферы. Мы не только избежали сокращения рабочей силы, но, наоборот, дополнительно приняли за последние полгода 573 человека.

В общем, не без оснований мы ещё два месяца назад думали, что с определёнными трудностями, но выживем в условиях экономической реформы. И свет в конце туннеля стал виден. Но кормчие реформы повернули её руль в сторону рифов, непозволительно увеличив при этом скорость. Кажется, рынок превратился в самоцель, а не в средство для создания эффективной системы хозяйствования. Вместо стимулирования роста производства правительство зациклилось на попытках стабилизировать бюджетно-финансовую систему, причём с помощью так называемой либерализации цен.

В итоге – финансовый кризис. Если в начале года взаимные неплатежи составляли в стране около 40 миллиардов рублей, то сегодня, вероятно, превышают триллион.

Август

Сегодня 3 августа. Диктор программы “Новости” передал печальное известие: умер Иннокентий Смоктуновский. Инфаркт. Но бывают и радостные дни. Установка по выпуску абсолютированного спирта с концентрацией основного вещества около ста процентов выведена на устойчивый режим. Продукт пошёл в товарно-сырьевой парк. Сегодня заключён контракт на его продажу зарубежной фирме. Московский её представитель прибыл к нам накануне самолётом. Маленькая, но очень нужная победа. Правда, пока три месяца строили и осваивали установку, эффект от неё из-за резкого повышения энерготарифов снизился ровно в два раза. И, тем не менее, она значительно улучшает заводскую экономику. Не обошлось, правда, и без курьёзных моментов. Неугомонный Алексей Свиридов на радостях демонстративно выпил полстакана спирта прямо из-под насоса. В открытую. Знаменуя победу технической заводской мысли над, как он выразился, “сокрушительными обстоятельствами экономики”. Потом выяснилось, что в спирте были сотые доли процента бензола – очень вредного для организма вещества. Но технолог не пострадал. Последствий пока никаких и даже настроение не упало: “На миру, – смеётся, – и смерть красна”.

Знакомая просит помочь найти работу по специальности.

– Вся жизнь была машинисткой-стенографисткой. Зарплата – восемьдесят пять рублей. Поняла, что надо учиться работать отлично, иначе не проживёшь. Стала одной из лучших в городе. Сколько диссертаций напечатала! Ушла на пенсию – на книжке тридцать одна тысяча. Думали с мужем, что чуть ли не самые богатые в городе. Рухнуло всё сразу: деньги вмиг стали трухой. Два года назад умер муж. Пенсия – тридцать семь тысяч. Что делать? Решила продать двухкомнатную квартиру, купить однокомнатную, а вырученные деньги положить в сбербанк. Жить на проценты. Дала объявление. Пришёл сын: “Мать, ты что делаешь, а как с Сашкой? Он поступает в институт, будет жить у тебя. Как в одной комнате?”. Приехал внук Саша, стал студентом, живёт у меня. Сына на работе сократили. Не может пока нигде устроиться. Существует на зарплату жены. А мы с Сашкой – на мою пенсию и его стипендию. Как-ково? Мне шестьдесят семь, печатать ещё могу. Но мало клиентов. Наверное, не до диссертаций теперь.

Говорит голосом будничным, сдержанно. Стыдится быть обузой для кого бы то ни было.

Пятнадцатое августа. Не стало Леонида Леонова. Время рвёт человечество на куски, унося поочередно современников в небытие. Леонов даже не частица, а целая эпоха в русской литературе. “Русский лес” – это русская, российская жизнь, вечно зелёная и обновляющаяся. И он, Леонов – раскидистое могучее дерево в ней, с корнями, уходящими в такую глубину, что и представить трудно. А в зелёной кроне её – “птичий гомон и щебетня”.

Неделю назад в правительстве РФ, у первого вице-премьера Олега Сосковца состоялось обсуждение нашего проекта реконструкции завода. Присутствовали представители Баварского банка, фирмы “Линде”, руководители “Гипропласта” и “Роснефтегазстрой”, то есть те, кто кредитует, проектирует, комплектует оборудование и строит. Встреча проходила неспешно, доброжелательно. Пожав всем руки, Олег Николаевич пригласил за стол. Обратившись ко мне по имени-отчеству, вице-премьер попросил доложить о главном.

За десять минут я рассказал о нашем плане. Затем пошли вопросы, обсуждение. Совещание подготовили хорошо, все присутствующие со стороны правительства владели и сутью дела, и основными цифрами.

Рассматриваемый контракт с его компенсационной основой, с продажей нашей продукции и полным самофинансированием не только одобрили, но и приняли как пример для других заводов. Тут же поручили Минфину и Минэкономике на основе нашей схемы проработать возможность получения кредита для реконструкции нескольких заводов нефтехимии.

Почти все наши просьбы, включая и выдачу правительственной гарантии для банка, получили поддержку.

Учитывая большую потребность нашего региона в полиэтиленовой плёнке для упаковки пищевых продуктов, изоляции магистральных газо- и нефтепроводов, а также в высоконапорных полиэтиленовых трубах для мелиораторов и газовиков, необходимость создания новых рабочих мест и пополнения местного бюджета, ещё раз попросили освободить нас от вновь введённых налогов и пошлин на ввозимое оборудование. Подобное ранее сделали для некоторых государственных предприятий. На это однозначной реакции не последовало.

Олег Николаевич вежливо попрощался со всеми, пожав каждому руку. В приёмной, когда вышли, царил дух явного успеха. У меня же было двойственное чувство.

Точно на такой же встрече около года тому назад у тогдашнего первого вице-преьера Олега Лобова тоже всё определили. Я уже говорил, что на радостях пригласил Олега Ивановича приехать к нам в гости на завод.

Суеверно, ещё в приёмной, отметил я похожесть этих встреч. Такое же расположение кабинетов и мебели, та же сдержанная приветливость рослых хозяев кабинетов, одинаковый синий цвет костюмов. И тогда был дан “зелёный свет” проекту. Потом пошла серия указов и общих изменений в финансовой системе страны, и мы оказались на мели.

Если не сделают исключение, не снизят пошлины для ввоза оборудования, ожидаются большие проблемы с деньгами. Не хочется быть пессимистом, но в последние годы почему-то часто возникают обстоятельства, действующие против нас.

Пригласил врачей из поликлиники, которая когда-то обслуживала кремлёвских работников. Сейчас это возможно. Заплатили – и все дела. Милые, интеллигентные люди, вдруг оказавшиеся на финансовой мели, быстро и деловито перестроившись, начали помогать периферии.

Результаты превзошли все ожидания. Мы договорились обследовать триста больных, которые лечатся давно и не совсем успешно, и триста человек, которые вроде бы не жалуются на здоровье. В обеих группах оказалось много неожиданностей. Случались грустные моменты, когда считавший себя здоровым человек оказывался болен. Многие пожелали проконсультироваться у психотерапевта. Приходили супружескими парами, пытаюсь понять, почему для них стала характерна озлобленность, нетерпимость, несдержанность. Немало тех, кто, недоумевая, жаловался на резкие изменения характера, на потерю интереса к жизни, подавленность.

Мы пришли к выводу, что на заводе надо немедленно организовать кабинет психологической разгрузки. Врачи успокаивают: это – общая закономерность, результат политической, экономической нестабильности в стране. Аллергия, астма, желудочно-кишечные заболевания прогрессируют.

Не обошлось и без “курьёзов”. Заводской управленец, неплохой специалист, но к спиртному, мягко говоря, равнодушный, заядлый курильщик, оказывается в свои пятьдесят семь самым здоровым человеком в заводоуправлении!

Сентябрь

Немного отлегло от сердца. В конце рабочего дня без приглашения вошёл в кабинет слесарь Николай Алексеев. Ну, думаю, вновь набедокурил. Работящий мужик, но невыдержанный и взрывной. Мы когда-то вместе работали в одной бригаде ещё в Новокуйбышевске.

– Сергеич, не волнуйся, меня никто нигде на сей раз не задерживал, в вытрезвитель не попадал. Я по другому вопросу.

– Какой сегодня?
 – Ты подписал приказ о переходе на четырёхдневную неделю?
 – Вынужденно.
 – Правильно! Подписывай ещё один, меня мужики наши прислали.
 – Какой же?
 – Надо всем уменьшить зарплату процентов на тридцать, временно. Мы потерпим, а завод этим, может, сохраним.
 – Многие так думают?
 – Многие, а если ты сам к этому призовёшь, поддержат и остальные.
 – Я над этим уже думал.
 – Ещё одно пожелание, а может, просьба-требование, можно?
 – Давай.
 – Не пиши заявления об уходе.
 – С чего ты взял?
 – С того, что обложили нас со всех сторон. Мы понимаем: тяжело руководить. Сосед наш – директор – написал? Написал. У них комиссия по банкротству работает. Ты этого допустить не должен. Народ тебе верит. Уйдёшь... пропадёт завод, да и ты на стороне без него не сможешь. Мы так решили: с тобой до конца. А помирать, так с музыкой. Побреемся, почистимся, белые рубахи понадеваем... и – с Богом. Молодец, что объявил месячник по культуре производства. Нельзя опускаться. Всё драят, скребут, метут, красят. Солидарность с тобой демонстрируют. Тебя поддерживают. Так что – рули, капитан!

Был в городском музее. Зашёл посмотреть на обновлённую экспозицию. Ещё не всё закончено. Приятно пахнет деревом. Вокруг пока не прибрано. Художники хлопочут около красивой люстры. Директор узнала меня:

– Стенд о вашем заводе готов, хотите посмотреть?

Экспозиция выполнена аккуратно и содержательно. Ксерокопии о приёме завода в эксплуатацию, телеграммы в правительство о выдаче первой продукции. И люди. Замечательные наши заводчане, ставшие историей города, страны.

– Но у нас беда!

– В чём дело?

– Посмотрите, вот материал о ветеране, замечательном человеке и труженике. Вот его награды. Орден Ленина в том числе.

– Да, я знал его лично. Он работал на заводе, что называется, до упора. Вышел недавно на пенсию и вскоре умер.

– Верно. Теперь его родственники требуют вернуть им его орден. Я не могу этого сделать.

– Почему?

– Он передан нам добровольно его женой.

– Так почему же хотят забрать?

– Видите ли, намерены продать.

– Много стоит?

– Они заявили, что на вырученные деньги смогут купить два автомобиля.

У музея таких денег нет. Я лично заплатить не могу. Уже пожаловались в высокие инстанции. Скорее всего, придётся отдать. Может, завод что-нибудь придумает?

Я невольно усмехнулся, вспомнив историю о том, как старик-слесарь продал свой орден всего лишь за пачку сигарет в начале перестройки. Промахнулся отец. Сколько же теперь он заимел бы курева?!..

Ездил маршрутным автобусом в областной центр. Моё место оказалось у окна. На выезде из города на остановке вошли в автобус двое: мама и дочка. Одно место свободное есть, но не у окна. Это обстоятельство явно не устраивает девочку. Мама, манерная, модно и со вкусом одетая дама, садится на свободное место. Девочка, трёхлетний белокурый сорванец, решает почему-то, что у неё больше прав, чем у меня, на то место, которое занимаю я. Или я не очень представительен и со мной можно поступать по-своему. Она тут же оказывается между мной и окном и пытается, уже протиснувшись, завоевать часть сиденья. Уступаю ей, встаю.

– Красиво как, мама, смотри – вон лошадка на полянке!

– Нехорошо, Людочка. Нельзя так некультурно себя вести. Верни дяде место.

– Я его не брала, пускай садится, сам встал. Ему, наверное, не нравятся лошадки. Смотрите-смотрите, какая огромная стрекоза летит!

Стрекоза действительно большая – военный вертолёт, только что поднявшийся с лётного поля. Несколько минут хватило, чтобы мама и дочка стали центром внимания всего автобуса. И мама красивая, и девочка забавно себя ведёт, делая всех пассажиров улыбчивее и добрее. Теперь уже все прислушиваются к диалогу матери и дочки.

– Людочка, всё-таки нехорошо. А вы, молодой человек (это ко мне), садитесь, пожалуйста, зачем стоять?

– Дяденька, садитесь, в ногах правды нет, – передаёт мне Людочка мировой человеческий опыт и освобождает часть сиденья.

Я благодарен. Не очень удобно себя чувствовать в центре внимания. Сажусь. Мама ведёт свою линию. Видно, ей понравилось всеобщее внимание.

– Людочка, давай сделаем так: ты всё-таки уступишь дяде всё место, а я за это тебя сегодня к себе в постельку спать положу, хорошо?

Пассажиры, втянутые в этот диалог, ожидают Людочкиного ответа.

– Нетушки, мамочка, не хочу!

– Ну, почему же, хорошенькая моя?

Маме явно не мешает всеобщее внимание, наоборот, оно стимулирует её педагогические устремления.

– Я, мамочка, с тобой не лягу, потому что у тебя попа холодная. Так папа говорит, правильно?

Автобус грохнул смехом.

Завод “на мели”. У нас нет задолженности перед бюджетом, но налоговая инспекция наш долг соседнему нефтеперерабатывающему комбинату направила в картотеку, поскольку нефтепереработчики крепко задолжали городу. Пока мы платим городу за соседа, возникнут огромные проблемы с закупкой сырья, реагентов, заработной платой. Не исключён останов ряда цехов.

Когда меня спрашивают, почему не иду в политику (мол, есть опыт хозяйственника, опыт депутатской деятельности, учёная степень доктора наук и т. д.), не сразу нахожу, что ответить. Но я вспоминаю фразу одного своего коллеги-директора: “Когда стал импотентом, как гора с плеч”.

Октябрь

Три дня в Париже.

Кажется, мы в очередной раз удачно ухватились за спасительную соломинку: нашли фирму, готовую поставить уникальное для России оборудование на два миллиона долларов в счёт компенсации этой суммы нашей продукцией.

Переговоры были напряжёнными. Личного времени хватило только на две ознакомительные поездки. Одна из них – в местечко Сент-Женевьев-де-Буа в тридцати километрах к югу от Парижа, где находится русское кладбище. Моим давним сокровенным желанием было поклониться могиле Ивана Бунина. И вот оно оказалось реальностью.

Всё обыденно, просто и торжественно. Пройдя через ворота церкви Успенья, построенной в новгородском стиле архитектором Альбертом Бенуа, наша небольшая группа оказалась на кладбище.

Мы были ошеломлены. Кладбище – свидетельство пережитой Россией величайшей драмы. По-другому это не воспринимается. Здесь нашли последний приют десятки тысяч наших соотечественников, не принявших новый порядок в России и оказавшихся без дома. Несмотря на то, что место, на котором упокоились наши русские, составляет значительную часть, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа является муниципальным и предназначено, в общем-то, для жителей этого уголка Франции.

Какие здесь лежат россияне! Писатели Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Алексей Ремизов, Георгий Иванов, Борис Зайцев... Художники Константин Сомов, Зинаида Серебрякова, Константин Коровин... Русские дворяне Голицыны, Мусины-Пушкины, Гагарины, Трубецкие, Шереметьевы, Толстые... Князь Феликс Юсупов...

После этих фамилий и посещения братских захоронений дроздовцев, алексеевцев, Русского кадетского корпуса, русского казачества остаётся либо кричать в голос, не помня себя, либо затравленно молчать. Около шести тысяч могил и десяти тысяч захоронений!

Подталкиваемый желанием как можно больше увидеть и узнать, я устремился к могильным плитам, открывая для себя всё новые и новые имена. Но скоро, душевно обессилев, вернулся к скромной могиле Ивана Бунина. Но и здесь не сумев обрести покой, пошёл в кладбищенскую церковь.

В юности я был покорён Буниным. Прочёл всё, что смог достать. Некоторые строчки рассказов носил в себе. К рассказу “Лёгкое дыхание”, потрясшему в детстве, возвращался многократно. Повзрослев, зачем-то убеждал себя, что эта история – сплошная выдумка. Это не жизнь, так не бывает. Но постоянно готов был поверить в Олю Мещерскую, в близкое лёгкое дыхание. “Теперь это лёгкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре”. Концовка рассказа уже не казалась мне мистической, как раньше.

Недавно познакомился с одним интересным человеком. Пётр Андреевич Дунаев. Старику девяносто лет, сельский интеллигент, учитель. Преподавал географию, историю, рисование. Обошёл пешком всю область, был в геодетических партиях. Искал нефть, соль. До недавнего времени жил в Серноводске. Старуха умерла, надо было куда-то прибавиться к своим. Переехал в наш город, живёт с дочерью. Старик рассказал такую историю.

Он работал учителем в одном заволжском селе. Времена крутые, самый разгар репрессий. Где-то в инстанциях получилась нехватка: требовалось добавить врагов народа. Их село должно было дать ещё одного человека. Следовало самим определиться, кто будет этим самым “врагом”. Партийцы сидели долго втроём в сельской избе. Остановили выбор на церковном старосте. Во-первых, он староста, что уже большой криминал по тем временам, а во-вторых, занимался частным промыслом: пилил изредка дрова, сушняк и продавал в городе. Так делали многие.

– В какой-то момент, – говорит Пётр Андреевич, – почувствовал, что я здесь самый грамотный, больше чем кто-либо понимаю, что творится беззаконие. Я больше остальных должен нести ответственность за то, что случится. И решил воспротивиться.

Как отговаривал он своих собеседников, рассказывать не буду, но, в конце концов, они решили: у них в селе больше нет врагов народа. Доложили наверх и страшно удивились, что их оставили в покое...

Чуть позже слух дошёл до несостоявшегося “врага”. Зашёл он в гости к Петру Андреевичу, принёс в крапивном мешке три больших солёных леща. Больше ничего не нашлось. Но Пётр Андреевич от лещей отказался. Церковный староста всё понял, не обиделся, сложил рыбу в мешок и ушёл. Этим лещей могли посчитать взяткой...

А в восемьдесят седьмом году, почти через пятьдесят лет, он пришёл опять к Петру Андреевичу, разыскал его. Пришёл уже совсем старым человеком, чтобы вновь поблагодарить. Сказал:

– Не дал ты тогда, Андреич, чтобы жизнь моя пресекалась. А у меня с того момента родились ещё четыре сына, а теперь вот уже девятнадцать внуков, правнуков. Вот сколько “враженок” от “врага” народа!.. А один сын, младший, стал Героем Советского Союза!

И засмеялся бодро, совсем не по-стариковски.

Ноябрь

Из газет: “Четырьмя выстрелами убит директор акционерного общества “Рязанский мясокомбинат”. Застрелили поздно вечером в подъезде собственного дома, куда за ним вошли трое молодых людей. Мотивы преступления следствию пока не известны”. Это не первое покушение, не первое убийство хозяйственных руководителей Рязани. Ни одно из подобных преступлений не раскрыто.

Пиши, мой чёрный ящик магнитофона!

Второго ноября разбросанных по земле “чёрных ящиков” стало больше.

В Сибири произошли сразу две авиационные катастрофы. В аэропорту го-

рода Усть-Илимска потерпел аварию пассажирский самолёт Ан-12. Погибли 9 членов экипажа и 14 пассажиров. А в районе посёлка Батагай (Якутия) при заходе на вынужденную посадку разбился самолёт Ан-2. Погибли 6 человек.

Михаил Сарайкин, сосед моей матушки, любил пофилософствовать про жизнь ещё до перестройки. Он когда-то, подростком, жил в семье кулаков Тимонтаевых и имел о раскулачивании совершенно определённое мнение:

— Вот ты смотри, — он выхватывал из рукава свой крепенький ловкий кулак и вертел им перед носом собеседника, — что это? — И сам отвечал, растягивая звуки: — Ку-у-у-лак! А это? — он резко разжимал пальцы и совал пятерню в лицо собеседнику. — Что это? Ничто! Тьфу, да и только. Так вот и с Тимонтаевыми: всё вроде крепко, надёжно, богато! А посмотри: лавка, полы некрашенные, косырём скоблили, чтобы навести чистоту. Весь достаток держался на каторжном артельном труде четырёх братьев. На порядке. Умели работать. И меня усыновили, и работать научили. Им благодарен. Когда их всех забрали в первый раз, так Петро с Фёдором из Кинеля убежали домой, чтобы пшеницу убрать с поля в амбары. Мы всю ночь волочили её на себе. Хлеб — всему голова. И вины за собой они не ведали. Не успели вернуться, на другой день снова арестовали. Вот если бы наши колхозники так болели за дело, а? А то ведь не своё, вот и нет ударной силы-то. Нет кулака, а есть распотыренная пятерня.

И лавки, и полы будут в нашей горнице чистыми. И будет что убирать в поле. Только не мешайте, а помогайте. Тогда и итог окажется положительным. И хлеб, как братья Тимонтаевы, вовремя уберём в наши с вами амбары... Едва не сказал: “закрома Родины”.

Вся прошедшая неделя, казалось, состояла из оглушающих событий в Чечне, связанных со штурмом Грозного и участием в нём русских военнослужащих.

Руководство России оказалось перед исключительно ответственным выбором. Или способное в любой момент перерасти в войну чрезвычайное положение, или сложный, не сулящий быстрых успехов переговорный марафон? Сила моральная или физическая? Вот несколько строк из экспресс-анализа аналитического центра газеты “Известия”: “В попытках повлиять на этот выбор в обществе выделилось две силы, две позиции: “партия мира” и “партия чрезвычайного положения”.

Организующим центром “партии мира” в эти дни стало Федеральное Собрание. На закрытых заседаниях палат проявилось невиданное в послеоктябрьской 1993 года России единодушие депутатского корпуса, в подавляющем большинстве выступившего против введения ЧП на территории Чеченской республики и за мирное разрешение конфликта.

В Госдуме эту позицию заняли лидеры всех основных фракций, даже те, кто в более спокойные времена требовал восстановления единого государства в границах 1945 года.

По решению президента, сегодня утром российские войска вошли в Чечню и блокируют Грозный. Переговоры во Владикавказе предваряет переданное по телевидению его обращение.

Похоже, нынешний день — 11 ноября — это начало новой страницы истории России. Немирной.

С утра встречался с представителем бразильской фирмы, торгующей нашей продукцией. Продают они и этиловый спирт. На вопрос о том, кто потребляет его в Бразилии, ответил:

— Сахарные заводы.

— Но зачем им этиловый спирт?

— Очень просто. Федеральные власти обязывают определённое количество получаемого из сахара спирта отдавать производителям автомобильного бензина в Бразилии.

— Зачем?

— У них из-за дефицита нефти и в целях охраны окружающей среды бензин разбавляется спиртом. В случае нехватки сахарного тростника производители покупают спирт за границей, используя его и как стопроцентное карбюраторное топливо.

Ночью снился жуткий сон. Меня судили за то, что будто бы в электричке толкнул на ходу человека. Тот выпал и разбился насмерть. Я за собой такого не помню. Намеренно подобного сделать не мог. Но судья, понимая и принимая мои протесты, тем не менее, имеет доказательства, заставляющие выносить суровый приговор. Я не толкал никого! Но есть свидетели, доказывающие обратное. Я метался во сне, пытаюсь найти выход из чудовищно нелепого и тяжёлого положения. И, кажется, нашёл. В подсознании родилась вдруг спасительная мысль: надо скорее проснуться. Тогда всё разрешится: дурной ли это сон или чудовищная правда. Проснулся. Слава Богу! Это было лишь сновидение. В реальной жизни не было ни электрички, ни суда.

Встал. Подошёл к зеркалу. И вдруг спохватился: сегодня же 18 ноября! Ровно десять лет, как работаю директором завода. Так каким же я стал с тех пор, как согласился на эту должность, поставив мысленно перед собой “зеркало”, чтобы, периодически глядяваясь в себя, не потерять лучшее в себе?

На меня смотрел седой, лысеющий, с мешками под глазами человек. Вряд ли он улучшил свои личные человеческие качества. Да, стал опытнее, профессиональнее, жёстче, рациональнее и изобретательнее. Даже изошрённее. Никого ни разу сознательно несправедливо не толкнул. Но ведь – сколько волн от меня шло. И как разнообразно они влияли на окружающих! И как их гасили или усиливали люди, работающие рядом! Вполне возможно, что кто-то сбило с ног.

Не явится ли ко мне судья и не предъявит ли обвинение? Как сегодня ночью во сне?.. И мне будет нестерпимо больно.

Итак, на столе указ Президента по нашему заводу. Что он даёт?

1. Освободить на период проведения реконструкции акционерное общество от обязательной продажи части валютной выручки, получаемой от экспорта товарной продукции, а также ресурсов углеводородного сырья, с направлением указанных средств на реализацию проекта реконструкции и погашения кредита Баварского банка (Германия), выделенного на эти цели.

2. Контроль за целевым использованием валютной выручки, упомянутой настоящим Указом, возложить на Министерство финансов Российской Федерации и Федеральную службу России по валютному и экспортному контролю.

3. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

Увы, освобождение от обязательной продажи части валютной выручки не спасает. Нужны на период реконструкции щадящие условия по налогообложению, тарифам на энергоресурсы, перевозки. Разумеется, с последующим (после ввода мощностей) возвратом долга. Но это, как оказалось, в компетенции только Госдумы России...

Дал указание помощникам готовить обращение в Думу.

Начинаю думать, что мог бы попытаться написать роман о нашем времени. Давно чувствую в себе толчки, заставляющие связывать одно с другим, выстраивать, додумывать уже увиденное, услышанное. Это подталкивает к бумаге. Увиденное, продуманное, видеоизменяясь, просится в какие-то формы, которые чётче, ярче, более выпукло показывают саму жизнь. Ту, что видел и чувствовал сам.

В течение прошлых суток произошли два захвата самолётов в России. Газета от 25 ноября: “В ночь на 24 ноября вооружённый пистолетом террорист попытался захватить пассажирский самолёт Ту-154, летевший из Душанбе через Ставрополь в Москву. Как сообщает ИТАР-ТАСС, угонщиком оказался кадровый военный, подполковник, заместитель начальника отдела Министерства обороны Таджикистана”. И второй случай: на этот раз самолёт Ту-134 следовал по маршруту Сыктывкар–Пулково–Минск. Угонщик – электротехник шахты “Южная” из Воркуты.

Ощущения, что наш завод, весь его коллектив – это лайнер с заводчанами-пассажирами, не покидают меня. Напротив, всё более усиливаются. И захватчики-террористы с момента акционирования проявляют себя всё настойчивее. Часто чувствую дыхание в затылок. Глухо, но доходят через третьи лица разговоры о том, что завод возьмут “на корню”. Есть и более отчётливые проявления...

Сегодняшний день закончился приятной новостью. Наши мало-мальские успехи заметны и со стороны, о чём говорит это письмо:

“Уважаемый господин директор! Мне очень приятно сообщить Вам, что Ваша компания после предварительной процедуры отбора представлена к авторитетной Международной награде “ФАКЕЛ БИРМИНГАМА” за успешное экономическое выживание и развитие в трудных условиях зарождающихся рыночных отношений. Ваша компания включена в список кандидатов на получение этой Награды. Выбор делается международно-признанным комитетом на основе рекомендаций, полученных из диверсифицированных источников экспертной информации. Руководимое Вашей управленческой командой предприятие соответствует критериям выбора фирм, награждаемых “ФАКЕЛОМ БИРМИНГАМА”.

На фоне исторических событий в России, связанных с переходом на новую экономическую систему, деятельность российских компаний привлекает внимание представителей деловых кругов и экспертов на Западе. **Российские предприятия работают в трудные времена, подобные периоду Великой депрессии, которая потрясла США около 60 лет назад.** Успехи российских лидеров бизнеса вызывают восхищение их коллег в разных странах. Награда “ФАКЕЛ БИРМИНГАМА” является данью уважения деятельности руководителей предприятий, успешно развивающихся в новых социально-экономических условиях.

С уважением, Директор комитета по награждению”.

Калейдоскоп событий. Три дня назад телевидение сообщило о взятии дворца президента в Грозном, о том, что уже известен глава нового правительства, а сегодня оказывается, что события вершатся с точностью “всё наоборот”.

В этот же день президент Ельцин ультимативно потребовал от участников вооружённого конфликта в Чечне в течение 48 часов “прекратить огонь, сложить оружие, распустить все вооруженные формирования, освободить всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан”. Иначе – чрезвычайное положение.

В Грозном действовало когда-то прекрасное предприятие – Грозненский химический завод. Бывший флагман нашей отрасли, с которым мы постоянно соревновались и у коллектива которого многому учились. Первый раз я оказался там в 1970 году и с тех пор периодически встречался с десятками специалистов. Где теперь эти люди, этот завод?..

Декабрь

Сию за столом с повышенной температурой. Грипп. Второй день принимаю разрекламированный колдрекс. Пока только надеюсь на выздоровление.

Только что вернулся с похорон начальника городского пассажирского предприятия Василия Антошкина. Его сын Алексей, попав в автомобильную катастрофу, повредил позвоночник. Лежит пятый месяц в больнице, не вставая. Отец пришёл в субботу навестить сына и... сердце не выдержало, умер у его изголовья.

Так начался декабрь. В ноябре было не лучше. Умер мой бывший сосед Михайловский. Из Москвы на похороны выехал его младший брат Виктор с сыном. Под Сызранью у Виктора не выдержало сердце. Сняли с поезда. Там и скончался.

Подобное стало обычным явлением. Что это?

В нашем стотысячном городе в 1994 году умерли более тысячи человек, то есть из каждой сотни – один не жилец. Налицо резкое снижение жизненных ресурсов. Нечем стало жить. На фоне раздвоя, разбоя, обнищания, безверия снизилась сопротивляемость. Мы, плохо это или хорошо, привыкли к открытости, коллективизму. Как это ни шаблонно звучит, к “чувству локтя”. Теперь этого нет.

Из сообщений Интерфакса: “В течение ближайших 10 лет численность населения России может сократиться на 16,5 миллиона человек, или на 11,2%. Ожидаемая продолжительность жизни при этом не будет превышать 59,3 лет. Такой прогноз сделал Госкомстат РФ совместно с Центром экономической

конъюнктуры при правительстве России. В настоящее время население России насчитывает около 148 миллионов человек”.

“Горькая детоубийца — Русь”. Так сказал Максимилиан Волошин. Неужели нам суждено оказаться свидетелями справедливости его приговора и для наших дней? Если так, то мы летим в пропасть. Или это не Русь убивает свой народ, а те, кто им правит?

Надо обязательно съездить в село к маме. Она — последняя, кто знает и помнит нашу многочисленную родню. Свидетель того сельского уклада, который сейчас многим трудно даже представить себе...

В прошлый приезд мы посидели за чаем, поговорили. Взяв карандаш, она начала, палочками отмечая на бумаге каждое имя, вслух называть тех, кого не стало за последние два года из наших близких и хорошо знакомых. Получилось более трёх десятков! Я ужаснулся. Не столько поразила сама грустная арифметика, как то, что все они не просто ушли, а унесли с собой каждый “своё”. И оно, это “своё”, зримо и деятельно влияло когда-то на мою личную жизнь, жизнь нашей большой улицы и всего села. Они так расцвечивали своими характерами и поступками наш быт, что я вновь убоился, подумав о теперешнем молодом поколении. Они не видят и не знают того вкуса и тех красок жизни, которые были раньше. И в этом вина не только “застойного периода” и не только сегодняшнего развала. Тут более глубокие причины, которые я не могу пока чётко сформулировать.

В это воскресное утро в наших с мамой воспоминаниях вновь возвращались мы чаще всего к моему деду Ивану Дмитриевичу. К его песням, которых дед знал немало. Когда голод в Поволжье заставил его со всей семьёй уехать в Сибирь, он прожил там несколько лет. Шорничал, скорняжил, конюшил. И, конечно, охотничил и рыбачил. Как только появилась возможность, вернулся в Заволжье. Все мои дядья родились в Сибири.

Слова “Сибирь” и “старинный” произносились в семье деда с особым оттенком. Они несли в себе непреложные признаки надёжности и крепости.

Я любил слушать песни, привезённые дедом из Сибири. У нас пели больше мужчины. Дед Кузьма, дядька Фёдор (имена-то какие!). Пели всегда душевно, негромко. Обычно это застольное пение я наблюдал, лёжа на печи. Дед мой пел, подперев левой рукой подбородок. У него сухое красивое лицо с аккуратными усами. Дед Кузьма чёрен и бородат, в нём что-то цыганское. Чаще всего он выглядел сумрачно. Пел густым басом. Дядя Федя Остроухов — розовощёкий, пухлый, безбородый и безусый. Хитрый и лукавый, его слышнее на подголосках.

Нередко у деда в доме гостевали мужики из соседних Покровки, Зуевки, Кулешовки, Домашки. Они приезжали на воскресный утёвский базар с ночёвкой. Была ещё одна тому причина: дед потихоньку выделявал овчины, хром. Я знал, что это тогда запрещалось. Услугами деда пользовались жители многих сел. Круг знакомых был большой. Ночевали в мазанке во дворе, в саду. Спали и в доме на полу, расстелив тулупы и шубняки. И нередко вечерами пели. Была одна песня, которая мне особенно нравилась. Когда дед её запевал, все смолкали. Как бы признавали за ним единоличное право на эту песню.

*Пускай могила меня накажет
За то, что я её люблю,
Но я могилы не усташуся,
Кого люблю я, с тем помру.*

Для меня это всегда звучало как завещание.

Есть в нашем лесу деревья, с которыми знаком десятки лет и которым всегда рад при встрече. Они — мои товарищи. Есть и такие, о чьём существовании вообще никто, кроме меня, не знает.

Я поехал по белу свету. Видел кокосовые пальмы. Срывал бананы и, делая это, вспоминал наши бахчи, где можно босыми ногами, балуясь, катить арбуз по влажному песку дороги до самой речки, навстречу ожидающим тебя таким же, как и ты, загорелым и весёлым ребятам.

На Центральной улице в моём селе стоят два дома: один — деревянный, покрашенный в светло-голубое, другой — саманный, коричневого цвета. Де-

ревянный – дом моего деда. В нём я родился. Время было военное, зимнее, метельное – до больницы не добраться. Да и вообще в те времена роды нередко принимала повитуха. Так было и со мной.

В саманном доме живёт сейчас моя матушка – самый дорогой мой человек. У первого дома в палисаднике всегда росла жёлтая акация – поставщица самодельных многоголосых свистулек для ребятни.

В палисаднике у саманного дома растут карагач и клён, посаженные мною ещё в том возрасте, когда собственная жизнь только начиналась, а мир за околицей села и там, вдали, в больших городах, казался таким нестерпимо манящим и завораживающим...

Мама, мама... Пока мы вместе, мы сильны. Всякий раз, провожая меня, ты сдерживаешь себя. Не плачешь. Но мне-то видно, каких усилий тебе это стоит. И у меня в такие минуты дрожат губы. Мы об этом никогда вслух не говорим, но я так боюсь, что в самый последний прощальный момент меня не будет рядом.

Мама, мама... Оборвётся твоя жизнь, и моя подвинется ближе к той пропасти, в которой исчезает всё. После тебя старшим останусь я.

Но пока ты есть, сечёт ли дождь, палит ли солнце, сжигает ли горечь и боль, я соединён тобой по-особому с нашими прародителями. Они передали нам умение смеяться так, как это теперь делаем мы, смотреть на мир так, как смотрим мы, любить и горевать так, как это можем мы...